

ЛУИЗА МЭЙ

ОЛКОТТ

ХОРОШИЕ
ЖЕНЫ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Маленькие женщины

Луиза Мэй Олкотт

Хорошие жены

«Издательство АСТ»

1869

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Олкотт Л.

Хорошие жены / Л. Олкотт — «Издательство АСТ»,
1869 — (Маленькие женщины)

ISBN 978-5-17-154678-6

«Хорошие жены» – продолжение семейной саги, повествующей о судьбах четырех сестер Марч. Маленькие девочки выросли и незаметно превратились в элегантных леди. Каждая сестра идет по своему жизненному пути: Мэг собирается замуж за Джона Брука, Джо планирует стать известным писателем, Эми мечтает путешествовать по Европе и писать картины, а Бет хочет остаться дома и жить спокойной жизнью. Сестры сталкиваются с испытаниями взрослой жизни, но, несмотря на разные пути, сообща преодолевают трудности и находят свое счастье.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-154678-6

© Олкотт Л., 1869
© Издательство АСТ, 1869

Содержание

Глава первая. Посплетничаем	6
Глава вторая. Первая свадьба	13
Глава третья. Муки творчества	17
Глава четвертая. Писательский путь	24
Глава пятая. Домашние хлопоты	29
Глава шестая. Визиты	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Луиза Мэй Олкотт

Хорошие жены

© Школа перевода В. Баканова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава первая. Посплетничаем

Прежде чем открыть новую главу и спокойно отпраздновать свадьбу Мэг, давайте немного посплетничаем о жизни семейства Марч за прошедшие годы. Предполагаю, читатели старшего поколения сочтут, что в моем рассказе слишком много романтики, и, боюсь, они меня осудят (думаю, со стороны юных читателей возражений не будет). Отвечу словами миссис Марч: «Чего еще ждать, когда четыре жизнерадостных девушки соседствуют с блестящим молодым человеком?»

Три года принесли множество перемен в тихую жизнь семьи. Война закончилась, мистер Марч, вернувшись, занялся чтением и своим маленьким приходом, где верой и правдой служил пастырем. Молчаливый и любознательный по натуре, мистер Марч обладал житейской мудростью, которая ценнее книжных знаний, проявлял милосердие ко всему живому, на окружающих смотрел как на братьев и сестер, а любовь к Богу стала неотъемлемой чертой характера этого благородного и доброго человека.

Бедность и верность принципам не слишком ценились в свете, однако многочисленные достоинства мистера Марча привлекали достойных людей, которые искали его общества, как пчелы ищут цветы. Подобно пчелам, люди питались нектаром его пятидесятилетнего трудного жизненного опыта, в который не просочилось ни капли горечи. Пылкие юноши находили, что седовласый ученый муж так же искренен и молод душой, как они; женщины в минуты тревог и сомнений делились с ним бедами, всегда получая сочувствие и мудрый совет; грешники каялись чистосердечному старику и уходили с отповедью и прощением; одаренные видели в нем соратника; честолюбивые убеждались, что есть в жизни иные вершины, чем человеческое признание; даже светские люди признавали, что убеждения мистера Марча прекрасны и праведны, хоть и не приносят денег.

Со стороны казалось, что в доме правят пять энергичных женщин, отчасти так и было, однако молчаливый мужчина с книгой в руках оставался главой и совестью семьи, опорой и надеждой. Именно к нему приходили в беде деятельные женщины, делясь тревогами и находя в нем поддержку, которую должен оказывать хороший муж и отец.

Девочки доверяли сердечные дела маме, а душевные муки – отцу, и обоим родителям, трудящихся не покладая рук на их благо, они одаривали любовью, которая крепла с годами и навечно связала их благословенными узами, неподдающимися ни жизненным перипетиям, ни самой смерти.

Миссис Марч по-прежнему бодра и жизнерадостна, лишь в волосах стало чуть больше седины. Она занята делами Мэг и реже посещает дома солдатских вдов и госпитали, где остается еще много раненых ребят, которым очень не хватает ее материнского участия.

Джон Брук мужественно отслужил год и был отправлен домой после ранения. Врачи не разрешили ему вернуться на фронт, и он не получил наград, хоть и сполна заслужил их, бесстрашно рискуя жизнью, столь ценной, особенно когда ты молод и влюблен. Смирившись с увольнением из армии, он посвятил все силы на восстановление здоровья, подготовку к новой работе, где планировал заработать деньги, чтобы обеспечить их с Мэг будущее. С присущим ему здравым смыслом и стремлением к независимости он отказался от слишком щедрых предложений мистера Лоренса, согласившись лишь на должность помощника бухгалтера, решив, что лучше начать с небольшого честного заработка, чем занимать деньги на собственное предприятие.

Мэг провела эти годы в работе и ожидании, становясь все более женственной и искусной в домашних премудростях, хорошела с каждым днем, ведь искренняя любовь красит человека. Не до конца расставшись с детскими мечтами и надеждами, она немного жалела, что ее жизнь поначалу будет столь непритязательной. Нед Моффат недавно женился на Салли Гардинер, и

Мэг невольно сравнивала их шикарный дом, великолепные наряды, карету и многочисленные подарки со своим скромным достатком, втайне желая обладать такой роскошью. Однако недо-вольство и зависть испарялись при мыслях о терпении, любви и труде, которые Джон вкладывал в их будущий дом. Когда она сидела рядом с ним в сумерках, строя планы, будущее рисо-валось ей прекрасным и безоблачным, и она забывала о роскошной жизни Салли, чувствуя себя самой счастливой и богатой на свете.

Джо больше не вернулась к тетушке Марч. Старушке настолько приглянулась Эми, что она посулила девочке уроки живописи от одного из лучших учителей в городе в обмен на ее компанию – ради этого Эми готова была служить даже более суровой госпоже. Таким образом, она посвящала утро работе, а день – удовольствию и в целом процветала. Джо тем временем посвятила себя литературному творчеству и уходу за Бет – ее здоровье еще долго было сла-бым, хотя болезнь давно миновала. Нет, Бет уже не была немощна, но и на прежнюю крепкую розовощекую девочку тоже не походила, хоть была счастлива, спокойна, полна надежд, с удо-вольствием выполняла работу по дому и была всем хорошим другом – маленький ангел, чьи заслуги теперь все домашние ценили по достоинству.

Поскольку «Гордый орел» платил по доллару за колонку «полной ерунды», как Джо назы-вала свои произведения, она чувствовала себя состоятельной женщиной и прилежно строчила рассказы. Ее беспокойный ум строил все новые амбициозные планы, и кухонный ящик на чер-даке пополнялся новыми, испещренными пометками, рукописями, одна из которых должна была рано или поздно прославить фамилию Марч.

Лори отправился в колледж, чтобы угодить деду, однако, особо не утруждая себя уче-бой, предавался развлечениям. Он быстро стал всеобщим любимцем благодаря деньгам, хоро-шим манерам, многочисленным талантам и доброму сердцу. Вытаскивая друзей из неприятно-стей, он нередко сам попадал в переделки. Многообещающие молодые люди часто становятся ужасно избалованными, и эта участь, вероятно, не миновала бы и Лори, не будь у него храни-телей, оберегающих от всякого зла. Лори всегда помнил о добром старике, который возлагает на него надежды, о заботливой женщине, которая любит его, как родного сына, и последних по счету, но не по важности – о четырех девочках, чьи чистые сердца полны восхищения и веры в его силы.

Разумеется, он был «простым смертным», поэтому Лори временами хулиганил, флирто-вал с девушками и, следуя университетской моде, щегольски одевался, увлекался плаванием и многочисленными видами спорта, устраивал розыгрыши и становился их жертвой, употреблял бранные слова и не раз был на грани отстранения от занятий и даже исключения. Поскольку его выходки были продиктованы веселым нравом, а не злым умыслом, ему удавалось избежать наказания с помощью откровенного признания, честного искупления и искусства убеждения, которым он владел в совершенстве. Лори даже гордился тем, сколько раз бывал на волосок от катастрофы, и обожал развлекать девочек красочными рассказами о победах над разгне-ванными кураторами, чопорными профессорами и прочими поверженными неприятелями. Сестры воспринимали одноклассников Лори как героев книг и никогда не уставали слушать об их подвигах, а когда Лори привозил «боевых товарищей» погостить, те купались в девичьих улыбках.

Эми особенно наслаждалась визитами гостей и пользовалась среди молодых людей боль-шой популярностью. Мэг была поглощена единственным и неповторимым Джоном, поэтому иные представители сильного пола ее не интересовали, а стеснительная Бет лишь украдкой поглядывала на мальчиков в окно и удивлялась смелости Эми, которая вертела ими как хотела. Джо чувствовала себя с ребятами в своей тарелке, с трудом удерживаясь, чтобы не вести себя точно, как они. Словечки, манеры и проделки приятелей Лори были ей гораздо больше по душе, чем приличия, приписываемые юным дамам. Джо всем нравилась. Очень немногие

юноши воздержались от принесения нежной дани в виде пары-другой вздохов на алтарь красоты Эми.

Раз уж мы заговорили о любви, пора поведать читателю о «Гнездышке». Так прозвали маленький домик из коричневого кирпича, обустроенный мистером Бруком, куда он готовился привести Мэг. Название придумал Лори, сказав, что оно прекрасно подходит для жилища нежных влюбленных, которые «воркуют, как голубки». Домик был крошечным, за ним располагался маленький садик, а перед ним – лужайка чуть больше носового платка. На лужайке Мэг планировала уместить фонтан, зеленую изгородь и множество чудесных цветов. Пока что вместо фонтана там стоял выдавший виды сосуд, возможно, служивший полоскательницей в давние времена; зеленая изгородь состояла из нескольких полуживых отростков лиственницы, а чудесные цветы пока обозначал частокोल щепок. Зато внутреннее убранство дома было очаровательно, и счастливая невеста не находила ни единого изъяна от чердака до подвала. Прихожая была узкой – если бы они решили обзавестись пианино, его просто не донесли бы до гостиной. В столовой с трудом умещалось шесть человек, а лестница, ведущая на кухню, казалось, для того и существовала, чтобы с посудой в руках скатываться прямо в ящик для угля. Если не считать этих мелких недостатков, дом был совершенен – его обставили скромно, но с большим вкусом, и результат трудов радовал глаз. В маленькой гостиной вы не нашли бы столов с мраморной столешницей, высоких зеркал или кружевных занавесок, зато там было много книг, пара хороших картин, эркерное окно, уставленное цветами, а также разбросанные повсюду подарки, посланные любящими друзьями, и оттого особенно ценные.

Фарфоровая Психея¹, подаренная Лори, не стала менее красивой оттого, что потеряла подставку во время перемещений, ни один мастер не уложил бы складки на простых занавесках искусней Эми, и ни одна кладовая в мире не хранила столько добрых пожеланий, веселых напутствий и радостных записочек, которыми Джо с мамой обильно снабдили коробки, мешки и свертки. А аккуратная кухонька, по моему глубокому убеждению, была самой уютной и чистой на всем свете, потому что заботливая Ханна по десять раз переставляла каждую кастрюльку и горшочек и выложила дрова в камине так, чтобы сразу зажечь огонь, когда «миссис Брук придет домой». Ни одна молодая хозяйка не могла похвастаться таким запасом тряпочек, прихваток и хозяйственных сумок; заготовок Бет хватило бы до серебряной свадьбы, так же как кухонных полотенец, чтобы протирать подаренный сервиз.

Те, кто просто оплачивает услуги, никогда не узнают, сколько они потеряли, потому что любящие руки способны сделать красивыми самые простые вещи, в чем Мэг неоднократно убедилась: все в ее маленьком «Гнездышке» – от скалки до серебряной вазы на столике в гостиной – красноречиво говорило о любви и заботе родных.

С каким удовольствием они строили планы, как торжественно ходили по магазинам, какие забавные случались недоразумения, и как смешил всех «практичными и хитроумными» подарками Лори! Вышеупомянутый джентльмен, хоть и почти окончил колледж, остался прежним мальчишкой и не потерял любви к веселым шуткам. Он взял моду, приезжая домой на выходные, привозить молодой хозяйке что-нибудь полезное и оригинальное. То мешок диковинных прищепок, то замечательную терку для мускатных орехов, которая развалилась при первом использовании, то заточку для ножей, от которой все ножи испортились, то щетку, которая ободрала с ковра весь ворс, оставив мусор нетронутым, то действенное мыло, от которого облезла кожа, то надежный клей, который склеивал лишь пальцы незадачливого покупателя. Также различные скобяные товары – от игрушечной копилки для пенни до кипятильного бака столь внушительных размеров, что в его парах потонул бы весь дом.

¹ Психея – в древнегреческой мифологии – возлюбленная бога любви Эроса (Амура); олицетворение человеческой души, изображаемой обычно в образе девушки с крыльями бабочки. (Здесь и далее прим. пер.)

Мэг умоляла Лори остановиться, Джон смеялся над ним, а Джо придумывала прозвище «мистер Тудль»². Лори был одержим идеей испробовать все современные изобретения в Америке и снабдить жилище друзей всем необходимым. Без нелепого подарка не обходилось ни недели.

Наконец дом был готов. Эми положила в каждую комнату мыло под цвет стен, а Бет накрыла стол для первой трапезы.

– Ты довольна? Чувствуешь ли ты, что это твой дом и ты будешь в нем счастлива? – спросила миссис Марч, обходя с дочерью ее новые владения.

Они шли под руку, сильнее обычного испытывая потребность быть рядом.

– Да, мама, очень довольна. Спасибо вам всем! И да – счастлива так, что не описать словами! – ответила Мэг, и ее сияющее лицо подтверждало сказанное.

– Ей бы пару слуг, и было бы прекрасно! – заметила Эми, выходя из гостиной, где долго решала, куда поставить бронзового Меркурия³ – на этажерку или на каминную полку.

– Мы говорили об этом с мамой, и я решила попробовать сделать, как она советует. Работы будет совсем не много, к тому же Лотти будет помогать с покупками и домашними хлопотами. В конце концов мне тоже нужно что-то делать, чтобы не разленииться и не заскучать по дому! – невозмутимо ответила Мэг.

– У Салли Моффат целых четыре служанки! – сказала Эми.

– Если бы у Мэг было столько слуг, они заняли бы весь дом, а хозяевам пришлось бы ночевать в саду! – вставила Джо – она, в большом синем переднике, чистила дверные ручки.

– Муж Салли богат, и в их изысканном особняке много слуг. Мэг с Джоном начинают со скромного достатка, однако, я думаю, счастья в их доме будет не меньше! Это большая ошибка для девушек не иметь никаких занятий, а только наряжаться, отдавать приказы и сплетничать! Когда я вышла замуж, я мечтала, чтобы новые платья поскорей изнашивались или порвались, чтобы я могла иметь радость их зашить – я уже видеть не могла вышивание и кружевные платки!

– А почему ты не пошла на кухню, как Салли? Она иногда стряпает забавы ради. Правда, у нее ничего путного не выходит, и слуги над ней смеются, – сказала Мэг.

– Я пошла на кухню. Но не «забавы ради»: Ханна научила меня готовить так, чтобы слуги надо мной не смеялись. Я начала учиться от нечего делать, а потом настали времена, когда полученные знания пригодились – когда пришлось отказаться от помощи слуг, я сама готовила своим девочкам полноценный обед и содержала дом в порядке. Твой путь начинается с противоположного конца, моя дорогая Мэг, но и тебе пригодится то, чему ты сейчас учишься. Когда Джон разбогатеет, у тебя будет большое хозяйство, и нужно разбираться во всем самой, чтобы правильно им управлять.

– Да, мама, я уверена, так и будет! – ответила Мэг, внимательно выслушав маленькое наставление – ибо какая женщина не любит порой порассуждать о вопросах домашнего хозяйства. – А вот моя любимая комната в моем кукольном домике! – сказала она, заглядывая в бельевую, когда они позже поднялись наверх.

Бет аккуратными стопками укладывала белоснежные простыни. Все трое рассмеялись – бельевая была предметом для шуток. Дело в том, что тетушка Марч, пригрозив, что «не даст ни пенни, если Мэг выйдет за этого Брука», поставила себя в затруднительное положение, поскольку гнев ее со временем утих, и она пожалела об угрозе. Пришлось поломать голову, как сделать подарок, не нарушив слова, и наконец она нашла достойный выход из положения. Она велела Кэрролл, маме Флоранс, купить большой запас постельного белья и скатертей, вышить на них инициалы молодых и подарить якобы от своего имени. Флоранс в точности

² Мистер Тудль – отец многочисленного семейства, один из героев романа Чарльза Диккенса «Домби и сын» (1848).

³ Меркурий – в древнеримской мифологии бог – покровитель торговли, прибыли и обогащения, сын бога неба Юпитера.

выполнила приказ, однако правда просочилась, порадовав Марчей. Тетушка Марч притворялась, что ничего не знает, и настаивала, что кроме обещанного первой невесте из семьи Марч жемчуга, ничего дарить не собирается.

– Рада слышать, это говорит о том, что ты будешь мудро вести домашнее хозяйство. В молодости у меня была подруга, у которой на момент замужества было всего шесть простыней, зато она была счастливой обладательницей чаши для ополаскивания пальцев после еды, такое положение дел ее вполне устраивало, – сказала миссис Марч, восхищенно проводя рукой по камчатому полотну.

– Чаши у меня нет, зато всего остального, как сказала Ханна, хватит до конца дней! – удовлетворенно воскликнула Мэг.

– Мистер Тудль идет! – крикнула снизу Джо, и все спустились, чтобы встретить Лори, чьи еженедельные визиты разнообразили их тихую жизнь.

Высокий, широкоплечий, коротко стриженный молодой человек в фетровом котелке и развевающимся плаще пренебрег калиткой, перешагнув низкую ограду, и направился прямо к миссис Марч, вытянув навстречу руки.

– Вот и я, мама! – сердечно воскликнул он и добавил в ответ на вопросительный взгляд: – Все в порядке!

Миссис Марч, взглянув в искренние черные глаза, завершила церемонию приветствия материнским поцелуем.

– Подарок для миссис Брук с приветом и поздравлениями от изготовителя! Здравствуй, Бет! Джо, ты отрада для глаз! Эми, ты все хорошеешь – недолго тебе быть незамужней.

Говоря это, Лори протянул Мэг посылку в оберточной бумаге, дернул Бет за ленточку, красноречиво взглянул на огромный фартук Джо и застыл перед Эми, словно ошеломлен от восторга, затем пожал всем руки, и девушки заговорили разом.

– Где Джон? – встревоженно спросила Мэг.

– Зашел получить лицензию⁴ для завтрашней церемонии, мэм!

– Кто победил в последнем матче, Тедди? – спросила Джо, которая к девятнадцати годам не потеряла мальчишеского интереса к спорту.

– Конечно, мы! Жаль, ты не видела!

– Как поживает очаровательная мисс Рэндалл? – спросила Эми с многозначительной улыбкой.

– Все так же жестокосердна. Видишь, как я изнемогаю? – ответил Лори, громко стукнув себя в грудь и испустив протяжный вздох.

– Что на этот раз? Открой посылку, Мэг! – попросила Бет, с любопытством разглядывая пухлый сверток.

– Это чрезвычайно полезная штука на случай пожара или ограбления! – объявил Лори, под общий смех извлекая колотушку ночного сторожа.

– Когда Джона не будет дома, а вы, миссис Мэг, чего-нибудь испугаетесь, высуньте колотушку в окно и потрясите – соседи мигом сбегутся! Правда здорово придумано? – спросил Лори и продемонстрировал возможности новинки, от чего девочки зажали уши.

– Неблагодарные!.. Кстати о благодарности – скажите спасибо Ханне, она спасла свадебный торт от уничтожения! Его только что доставили вам домой, и выглядел он весьма аппетитно – если бы самоотверженная Ханна не бросилась на защиту, я откусил бы кусочек!

– Ох, Лори, когда же ты вырастешь... – снисходительно вздохнула Мэг.

– Я стараюсь, мэм, но мужчины вырождаются, выше шести футов не вырастают, – ответил молодой человек, чья голова доставала до люстры. – Я зверски голоден, но полагаю, не стоит осквернять сие новенькое жилище едой, поэтому предлагаю перебраться в другой дом.

⁴ Документ, разрешающий паре вступить в брак.

– Мы с мамойждемся Джона. Еще нужно кое-что закончить! – заторопилась Мэг.

– А мы с Бет идем к Китти Брайат за цветами для завтрашней церемонии, – сказала Эми, надевая хорошенькую шляпку на очаровательные локоны, не меньше остальных наслаждаясь полученным эффектом.

– Джо, ты ведь не бросишь друга в беде? Я изможден и не доберусь до дома без помощи! Только не снимай передник, пожалуйста! Как ни странно, он тебе очень идет! – сказал Лори, а Джо предложила обессиленному путнику опереться на ее руку.

– Вот что, Тедди! Давай поговорим серьезно насчет завтрашней церемонии! – начала Джо, когда они вместе брели по улице. – Пообещай, пожалуйста, вести себя хорошо, не устраивать розыгрышей и не срывай планы!

– Ни единого розыгрыша!

– И не смей нас в важные моменты!

– Я? Никогда! Обычно так делаешь ты!

– И умоляю – не смотри на меня во время церемонии. Если ты засмеешься, я тоже не выдержу!

– Ты меня все равно не разглядишь. Слезы будут застилать твои глаза и мешать обзору.

– Я никогда не плачу – только в случае серьезного горя!

– Например, когда старый друг уезжает в колледж, да? – хитро улыбнулся Лори.

– Не зазнавайся! Я лишь хныкнула разок, чтобы составить компанию девочкам.

– Да-да... Слушай, Джо, а как поживает дедушка на этой неделе? В хорошем расположении духа?

– Вполне. Ты опять что-то натворил и хочешь знать, как он к этому отнесется? – сурово спросила Джо.

– Я, глядя в глаза твоей маме, сказал, что все хорошо. Думаешь, я ей соврал, Джо? – Оскорбленный Лори резко остановился.

– Нет, конечно!

Лори, успокоенный пылким ответом, продолжил путь.

– Тогда оставь подозрения. Мне просто нужны деньги.

– Ты много тратишь, Тедди?

– Я? Я ничего не трачу, оно само тратится, я даже не успеваю понять куда.

– Ты очень щедрый и добрый, никому не отказываешь и даешь людям в долг. Мы слышали историю Хеншоу – как ты ему помог. Если ты так тратишь деньги, никто и не подумает тебя винить! – горячо сказала Джо.

– О, не делай из мухи слона! Хеншоу стоит десятка таких лентяев, как я, и работал в поте лица ради скромного заработка – почему не помочь ему немного?

– Это верно! Но вот зачем тебе семнадцать жилетов, бессчетное количество галстуков и новая шляпа каждую неделю, я не понимаю! Я думала, период щегольства уже миновал – но нет, ты не перестаешь удивлять. Что за ужасная нынче мода? Голова, как щетка, пиджак, как смиренная рубашка, оранжевые перчатки и громоздкие ботинки с квадратными носами... Будь это безобразие дешевым, я слова не сказала бы, так ведь...

Лори запрокинул голову и громко расхохотался. Фетровый котелок упал, и Джо случайно на него наступила. Ничуть не смутившись, Лори свернул помятую шляпу и сунул ее в карман, разглагольствуя о преимуществах свободного стиля в одежде.

– Будь другом, перестань читать нотации. Мне их в колледже хватает, а дома я хочу отдыхать. Завтра, чтобы соответствовать случаю, я наряжусь, как надо, чего бы это ни стоило.

– Все бы ничего, если бы ты только отрастил волосы! Я не высокомерная аристократка, но даже я стесняюсь ходить в компании боксера! – сурово заметила Джо.

– Столь неприятный стиль помогает сосредоточиться на учебе, поэтому я и подстригся! – ответил Лори – видно, он не слишком заботился о своей красоте, раз добровольно

пожертвовал своими красивыми кудрями, следуя моде, предписывавшей носить волосы длинной в четверть дюйма. – Знаешь, Джо, Паркер совсем потерял голову из-за Эми. Постоянно говорит о ней, пишет стихи, бродит как тень – в общем, ведет себя подозрительно. Думаю, ему надо пресечь на корню свои нежные чувства, верно?

– Разумеется! Хватит с нас свадеб! Боже правый! О чем только эти дети думают? – возмутилась Джо, забыв, что Эми и малыш Паркер уже давно выросли.

– Не знаю, куда катится мир, мэм! Сумасшедшее время... – озабоченно покачал головой Лори. – Ты, например, сущее дитя, а выйдешь замуж следующей, к нашему общему горю.

– За меня не волнуйся. Я не отличаюсь покладистым характером, на мне никто не женится. И прекрасно – в семье должна быть хоть одна старая дева!

– Ты никому не даешь шанса, – сказал Лори, покосившись на Джо, и его загорелые щеки слегка покраснели. – Никому не показываешь мягкой стороны своего характера, а если кто-нибудь случайно увидит и выразит одобрение, ты обойдешься с ним, как миссис Гаммидж⁵ с ухажером – окатишь несчастного ледяной водой и станешь такой колючей, что никто больше не посмеет на тебя взглянуть.

– Мне не нравятся такие разговоры! Я слишком занята, чтобы забивать голову подобным вздором! Ну, довольно об этом; из-за свадьбы Мэг все потеряли голову и без конца обсуждают любовные делишки. Не серди меня, давай сменим тему! – По виду Джо было ясно, что в случае неповиновения она готова окатить ледяной водой кого угодно.

Неизвестно, какие чувства владели Лори, однако он нашел им выход в протяжном тихом свисте, а прощаясь у калитки, мрачно предсказал:

– Ты следующая, Джо! Помяни мое слово!

⁵ Миссис Гаммидж – сварливая вдова, персонаж романа Чарльза Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» (1850).

Глава вторая. Первая свадьба

Тем июньским утром розы над верандой проснулись рано и радовались солнышку и безоблачному небу, словно тоже были частью семьи. Весело кивая румяными головками на ветру, они взволнованно перешептывались, делясь наблюдениями. Одни розы заглядывали в окна столовой, где накрывался праздничный стол, другие, дотянувшись до окошка спальни, улыбнулись при виде сестер, наряжающих невесту. Когда кто-нибудь выбегал в сад или выходил на крыльцо, розы приветливо качались, и все они – от взрослых распустившихся цветов до бледных бутончиков – старались выглядеть как можно красивей и источать сладкий аромат, чтобы порадовать любимую хозяйку, которая долго и терпеливо о них заботилась.

Мэг и сама была похожа на розу, в тот день все, что было лучшего в ее душе и сердце, как будто расцвело на ее личике, делая его нежным и привлекательным и наделяя очарованием прекраснее, чем сама красота. Мэг отказалась от шелка, кружев и флердоранжа⁶.

– Не хочу выглядеть необычно и модно, мне не нужна пышная свадьба! – заявила она. – Я хочу, чтобы вокруг меня были только те, кого я люблю, а с ними я хочу оставаться самой собой.

Она сама шила подвенечный наряд, и сердце ее билось от юношеских надежд и наивных мечтаний. В день свадьбы сестры заплели ее прекрасные волосы, а единственным украшением были ландыши, которые «ее Джон» считал лучшими цветами на свете.

– Ты и правда все та же дорогая Мэг, только еще более милая и красивая. Я обняла бы тебя, но боюсь помять платье! – воскликнула Эми, с восхищением глядя на невесту, когда все было готово.

– Тогда я довольна. Пожалуйста, обнимите и поцелуйте меня все, о платье я не волнуюсь. Я хочу, чтобы сегодня оно сильно помялось именно по этой причине!

Мэг раскрыла объятия сестрам, и девочки со счастливыми лицами обступили ее, почувствовав, что новая любовь Мэг оставила место в сердце и для них.

– Теперь мне нужно завязать Джону галстук, и я хочу провести некоторое время с папой в кабинете.

Мэг побежала вниз, чтобы исполнить маленькие ритуалы, а затем остаток утра повсюду ходила за миссис Марч, догадываясь, что за ее улыбкой прячется печаль, а материнское сердце горюет при виде первой птички, покидающей гнездо.

Пока младшие девушки собрались в комнате вместе, внося последние штрихи в свои нехитрые туалеты, я использую это время, чтобы рассказать об изменениях, произошедших в их внешности за три года, поскольку именно сейчас они выглядят как нельзя лучше.

Джо уже не такая угловатая, девушка научилась двигаться не то чтобы изящно, но достаточно плавно. Прежние короткие завитки отросли, густые кудри прекрасно смотрятся на ее миниатюрной головке, венчающей высокую фигуру. На загорелых щеках играет свежий румянец, тепло блестят глаза, а с острого язычка сегодня слетают лишь ласковые слова.

Бет похудела, стала еще бледнее и более застенчивой, чем прежде. Ее прекрасные добрые глаза казались еще больше, и хотя не выражали грусть, но навевали печаль. Тень давней, терпеливо сносимой боли омрачает юное лицо. Впрочем, Бет редко жалуется и с надеждой повторяет, что «скоро совсем поправится».

Эми по праву считается «украшением семьи». В свои шестнадцать лет она уже выглядит и ведет себя как сформировавшаяся женщина. Она не красавица, но обладает неуловимым очарованием, которое называется изяществом. Изящны линии ее фигуры и движения рук, изящно развеваются платье и спадают на спину локоны. Гармоничность, в которой Эми не отдает себе

⁶ Белоснежные цветки померанцевого дерева, традиционно являются частью свадебного убора невесты, например, в виде венка или же свадебного букета.

отчета, привлекательней любой красоты. Курносый носик все же подвел хозяйку, так и не приняв греческую форму. Огорчали ее слишком широкий рот и чуть выпяченная нижняя губа. Эти милые изъяны придавали лицу характер, однако Эми их не ценила и утешалась ясными голубыми глазами и локонами – еще более пышными и золотистыми, чем прежде.

Все три девушки одеты в серебристые платья из тонкой ткани (их лучшие летние наряды) с розовыми розами в волосах и на груди. Среди предпраздничной суеты они, свежие и счастливые, замерли на минутку и мечтательно смотрят в зеркало, предвкушая новую романтическую главу в романе о женской судьбе.

Праздновать решили без особых церемоний – просто и по-домашнему. Тетушка Марч, зайдя в дом, была возмущена увиденным – невеста бегом спустилась по лестнице, чтобы открыть дверь, жених прикреплял упавшую гирлянду, а сановитый отец семейства деловито прошествовал мимо с двумя бутылками вина.

– Ну и дела! Что у вас тут творится! – воскликнула дама, важно усаживаясь на отведенное ей почетное место и с громким шелестом расправляя складки лавандового муарового платья. – Тебя никто не должен видеть до самой свадьбы, дитя!

– Зачем прятаться? Никто из наших гостей не станет меня разглядывать, как музейный экспонат, сплетничать о платье и оценивать стоимость угощения! И потом я так счастлива, что мне не важно, кто что скажет или подумает. Это чудесная свадьба! Джон, дорогой, вот молоток!

Мэг убежала помогать «этому Бруку» в неподобающем занятии. Джон даже не сказал «спасибо», но, наклонившись, чтобы принять из рук невесты предмет недостойный джентльмена, украдкой, за открытой раздвижной дверью поцеловал девушку, отчего тетушка Марч была вынуждена достать платочек, чтобы вытереть слезы, неожиданно навернувшиеся на пронизательные старческие глаза.

Из кухни раздался грохот и визг, за которыми последовал смех Лори и малопрстойное высказывание: «Тысяча чертей! Джо чуть не упала в торт!». Не успел переполох уняться, как прибыла стайка кузин, и, как говорила маленькая Бет, «праздник наступил».

– Не подпускай ко мне вашего великана, он раздражает меня больше, чем комары! – шепнула старушка на ухо Эми. Лори был на голову выше остальных гостей, уже заполнивших гостиную.

– Лори обещал сегодня вести себя прилично, а он бывает очень галантным, когда захочет! – ответила Эми и незаметно ускользнула, чтобы предостеречь Геракла от встречи с гидрой, вследствие чего герой весь вечер не отходил от старушки ни на шаг, чуть не сведя ее с ума.

Свадебной процессии не было, мистер Марч и жених с невестой просто заняли свои места под зеленой гирляндой из листьев, и наступила тишина. Мама и сестры держались поближе к Мэг, словно не хотели ее отпускать, а голос отца то и дело срывался, делая службу еще более торжественной и красивой. У жениха тоже дрожал голос, и его ответы были едва слышны, зато Мэг, глядя прямо в глаза мужу, сказала «да» с такой уверенностью и нежностью на лице, что сердце миссис Марч наполнилось радостью, а тетушка громко шмыгнула носом.

Джо не расплакалась, хотя один раз была на грани, ее спасло лишь осознание, что Лори пристально смотрит на нее со странным и взволнованным выражением в лукавых черных глазах. Бет уткнулась в мамино плечо, Эми стояла величественно и неподвижно, словно статуя, а солнечный свет удачно падал на фарфоровый лобик и цветок в волосах.

То, что произошло дальше, совершенно не принято в обществе, когда церемония закончилась, Мэг воскликнула: «Маме мой первый поцелуй!» – и, повернувшись к миссис Марч, горячо поцеловала ее. В следующие пятнадцать минут она еще больше, чем когда-либо, была похожа на розу, принимая поцелуи от всех собравшихся, начиная от мистера Лоренса, заканчивая старой Ханной в нарядном чепце, которая, всхлипывая и смеясь, крепко обняла ее со словами: «Слава Богу, дорогая! Торт целехонек и стол удался!»

После этого все повеселели и тоже стали произносить поздравительные речи – кто какие мог. Впрочем, любые теплые слова встречались с благодарностью, потому что когда на сердце легко, для радости много не нужно. Не было вручения подарков – их заранее доставили в маленький дом, не было и изысканного завтрака – его заменил плотный ланч, состоящий из фруктов и торта, украшенного цветами. Мистер Лоренс и тетушка Марч недоуменно пожали плечами и переглянулись, отметив, что три Гебы⁷, разносящие нектар, подают гостям лишь воду, лимонад и кофе.

Впрочем, никто не жаловался, только Лори, который настоял, что будет ухаживать за невестой, склоняясь к ней с подносом угощений, озадаченно спросил:

– Джо умудрилась разбить бутылки с вином? Я с утра его видел. Или мне почудилось?

– Нет, твой дедушка действительно поделился лучшими запасами, и тетушка Марч прислала несколько бутылок, но папа отложил немного для Бет, а остальное отослал в госпиталь. Знаешь, папа считает, что спиртное можно пить только в лечебных целях, а мама говорит, что в нашем доме ни она, ни ее дочери никогда не предложат вина молодому человеку.

Мэг ожидала, что Лори нахмурится или начнет смеяться, однако он пылко заявил, быстро взглянув на нее:

– Я полностью согласен! Скольких бед удалось бы избежать, если бы все женщины придерживались этого правила!

– Надеюсь, твои слова продиктованы не собственным горьким опытом? – забеспокоилась Мэг.

– Нет, даю слово! Но не обольщайся. Там, где я рос, люди пьют вино, словно воду, поэтому им меня не соблазнить. Однако если его предлагает красивая девушка, никто не откажется!

– А ты откажись, если не ради себя, то ради родных! Дай обещание, Лори! Пусть мой день станет еще счастливей.

Внезапная и серьезная просьба поставила молодого человека в тупик. Мэг, зная, что Лори любой ценой сдержит данное слово, воспользовавшись выгодным положением, прибегла к женской хитрости для блага друга. Она молча смотрела на Лори, а ее счастливое лицо и улыбка говорили лучше всяких слов: «Сегодня мне нельзя отказывать!» И Лори не стал. Улыбнувшись в ответ, он протянул руку и горячо произнес:

– Клянусь, миссис Брук!

– Спасибо! Большое спасибо!

– Да будет нерушима клятва Тедди! – с одобрительной улыбкой воскликнула Джо, взмахнув рукой с бокалом и слегка окропив Лори лимонадом.

Лори оставался верен клятве, данной при свидетелях и скрепленной тостом, несмотря на многочисленные искушения, поскольку девочки, следуя инстинктивной мудрости, выбрали правильный момент, и Лори еще не раз благодарил подруг за оказанную услугу.

После ланча гости, разбившись по парам или тройкам, бродили по дому и саду, наслаждаясь теплом и снаружи, и внутри. Мэг с Джоном оказались рядом в центре лужайки, и тут Лори пришла идея, ставшая достойным завершением необычной свадьбы.

– Давайте сделаем, как в Германии! Все женатые пары берутся за руки и водят хоровод вокруг новобрачных, а холостые танцуют парами за пределами круга! – воскликнул Лори, и они с Эми так искусно и заразительно пустились в пляс, что остальные без лишних слов последовали их примеру. Первыми вышли мистер и миссис Марч, затем тетя и дядя Кэрролл, другие гости тоже не заставили себя долго ждать. Даже Салли Моффат, немного поколебавшись, перекинула шлейф через руку и повлекла Неда в хоровод. Забавней всего вышло у мистера Лоренса с тетушкой Марч: когда почтенный джентльмен элегантным танцевальным шагом приблизился

⁷ Геба – богиня юности в древнегреческой мифологии. По классической версии мифа дочь Зевса и Геры. Первоначально выполняла обязанность виночерпия во время пиров богов.

к старушке, та, проворно поднявшись, с тростью под мышкой присоединилась к хороводу, пока молодые люди порхали по саду, как бабочки в середине лета. Когда все выбились из сил, импровизированный бал подошел к концу и гости начали расходиться.

– Поздравляю, дорогая! Искренне желаю счастья, хоть и уверена, что ты пожалеешь о своем решении! – сказала тетушка Марч Мэг, а жениху, который провожал ее до кареты, строго наказала: – Вам досталось сокровище, молодой человек! Будьте его достойны!

– Давно я не была на такой чудесной свадьбе, Нед! Без лоска, конечно, но мне почему-то понравилось! – сказала миссис Моффат мужу по дороге домой.

– Лори, мой мальчик, если вдруг тоже надумаешь жениться, бери в жены одну из младших, я буду только рад! – сказал мистер Лоренс, устраиваясь в кресле, чтобы отдохнуть после волнительного дня.

– Постараюсь не разочаровать вас, сэр! – с непривычной покорностью ответил Лори и аккуратно вытащил букетик, который вставила в его петлицу Джо.

«Гнездышко» молодых располагалось неподалеку, и свадебным путешествием Мэг была тихая прогулка с Джоном из старого дома в новый.

Когда, переодевшись, Мэг вышла, немного похожая на симпатичную квакершу⁸ в своем сером платье и соломенной шляпке, повязанной белой лентой, все обступили ее и нежно прощались, словно провожая в далекий путь.

– Не думай, что я бросаю тебя, мамочка! Или что я стала любить тебя хоть чуточку меньше оттого, что так сильно люблю Джона! – со слезами на глазах говорила Мэг, прижимаясь к матери. – Я буду навещать вас каждый день, отец! Надеюсь, что, несмотря на замужество, в ваших сердцах всегда останется место для меня. Бет будет часто ко мне приходить, и вы, девочки, забегайте посмеяться над моими успехами в домоводстве. Прекрасный был день! Спасибо вам всем! До свидания! До свидания!

Семья с любовью, надеждой и гордостью провожала Мэг с охапкой цветов в руках, которая опиралась на руку мужа, а сияние июньского солнца озаряло ее счастливое лицо – так началась замужняя жизнь Мэг.

⁸ Квакеры – одна из протестантских сект в Америке, среди прочего отличались особой скромностью в одежде.

Глава третья. Муки творчества

Нужно немало времени, чтобы научиться отличать талант от одаренности, особенно если ты молод и честолюбив, и Эми познавала различие путем долгих мытарств. Принимая увлеченность за вдохновение, она кидалась на все виды искусства с юношеским рвением. «Куличики» она давным-давно забросила и посвятила себя не менее прекрасному делу – рисованию тушью. Она проявила столько вкуса и мастерства, что ее изящные работы не только радовали глаз, но и приносили прибыль. Однако Эми, быстро перетрудив глаза, принялась с неменьшим пылом выжигать по дереву. Пока это увлечение не прошло, семья жила в вечном страхе пожара – в доме с утра до вечера пахло горелым, из сарая и чердака пугающе часто валил дым, а раскаленный докрасна выжигатель нередко валялся где попало. Ханна всегда держала у кровати ведро воды и колокольчик. Эми бралась за любую работу: на обратной стороне доски для раскатывания теста появилось лицо Рафаэля⁹, на крышке пивного бочонка – голова Бахуса¹⁰, крышку сахарного бочонка украсили поющие херувимы, а многочисленные доски с неудавшимися жанровыми сценами шли на растопку.

Обожженные пальцы заставили Эми перейти от огня к маслу, и она полностью посвятила себя живописи. Подруга художница отдала ненужные палитры, кисти и краски, и Эми самозабвенно малевала, производя на свет пасторали и морские пейзажи, невиданные ни на суше, ни на море. Уродливый рогатый скот собрал бы толпу зевак на любой ярмарке, а корабли кренились так, что при виде них стало бы дурно даже бывалым матросам – если те сразу не умерли бы от смеха при виде полного пренебрежения правилами кораблестроения. Смуглые мальчики и темноглазые мадонны были неудачными копиями Мурильо¹¹, маслянистые коричневые лица должны были напоминать Рембрандта¹², пышногрудые женщины и опухшие младенцы – Рубенса¹³, а репродукция Тернера¹⁴ представляла собой синее грозовое небо с оранжевой молнией, коричневым дождем и сиреневыми облаками с красным пятном посередине, которое могло быть солнцем, буйком, шляпой или королевской мантией.

Затем последовали портреты углем, и странные болезненные лица домочадцев, похожих на изможденных шахтеров, украсили стены. Карандашные наброски выглядели гораздо лучше, и сходство явно наблюдалось – локоны Эми, нос Джо и глаза Лори были единогласно признаны «замечательными». Затем Эми вновь вернулась к глине и гипсу, и фигурки соседских кошек быстро заполонили дом, падая со всех полок на головы обитателей. В качестве моделей приглашались и дети, однако они мало смыслили в творчестве и иногда отпускали бесцеремонные замечания, которые совсем не нравились мисс Эми, вследствие чего она прослыла среди маленьких гостей злокой. Упорные поиски себя в искусстве внезапно прервал несчастный случай, ненадолго охладивший ее пыл. Поскольку никто больше не соглашался позировать, Эми решила вылепить собственную ножку, и в один прекрасный день раздался нечеловеческий крик и грохот. Все бросились на помощь и застали молодую поклонницу искусства прыгающей по беседке – одна ее нога находилась в ведре с гипсом, который неожиданно быстро затвердел. Нога была спасена с большим трудом и небольшим риском (Джо, которая не могла

⁹ Рафаэль Санти (1483–1520) – итальянский живописец и архитектор. Его картина «Сикстинская Мадонна» – одна из самых узнаваемых в истории.

¹⁰ Бахус – древнегреческий бог виноделия.

¹¹ Бартоломе Мурильо (1617–1682) – испанский живописец.

¹² Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) – голландский живописец.

¹³ Питер Пауль Рубенс (1577–1640) – фламандский живописец, один из основоположников искусства барокко.

¹⁴ Уильям Тернер (1775–1851) – британский живописец, мастер романтического пейзажа.

перестать смеяться, случайно поранила Эми, слишком глубоко погрузив в гипс нож), однако этот вид искусства запомнился Эми надолго.

После этого Эми ненадолго успокоилась, а затем ее захватили пейзажи. Она ходила вдоль реки, по лесу и по полю в поисках красивых видов и мечтала о римских развалинах. Она без конца простывала, сидя на мокрой траве, чтобы запечатлеть «чудную композицию», состоящую из камня, пенька, целого гриба и поломанного коровьяка, или «очаровательную группу облаков», которые походили на обычную перину. Не заботясь о цвете лица, солнечными днями Эми сидела в лодке на реке, изучая игру света и тени, и заработала морщинку на лбу, пытаясь найти правильный угол зрения или как там это называется.

Если Микеланджело¹⁵ прав, и гений – это вечное терпение, то Эми явно претендовала на сей божий дар, поскольку шла вперед, невзирая на трудности, неудачи и бедствия, твердо уверенная, что когда-нибудь она сотворит нечто великое.

А пока этого не случилось, она решила постигать другие премудрости и быть красивой и образованной женщиной, даже если не получится стать великой художницей. Здесь она гораздо больше преуспела, поскольку принадлежала к счастливицам, которые умеют нравиться без особых усилий, повсюду находят друзей и идут по жизни столь легко и непринужденно, что менее везучим созданиям кажется, будто они просто родились под счастливой звездой. Эми нравилась людям еще и потому, что, помимо прочих достоинств, обладала тактом. Она интуитивно догадывалась, что прилично и как принято, точно знала, что и кому сказать, делала то, что было и к месту, и ко времени, и так хорошо владела собой, что сестры говорили: «Эми можно хоть сейчас отправлять ко двору, она не растеряется!»

Эми втайне мечтала пробиться в «высшее общество», слабо отдавая себе отчет в том, что оно исповедует весьма низменные ценности. Эми желала иметь деньги, положение, светские таланты и элегантные манеры и восхищалась теми, кто всем этим обладал. Она не отличала плохого от хорошего и еще не поняла, что есть другие качества, заслуживающие большего уважения. Эми помнила об аристократическом происхождении и возвращала в себе соответствующие вкусы и предпочтения, чтобы, если представится возможность, занять законное место в свете.

Друзья называли ее «ваша светлость», и в душе она действительно была настоящей леди, однако ей еще предстояло понять, что за деньги не купишь утонченности, высокое звание не гарантирует благородства, а хорошее воспитание поможет преодолеть любые трудности.

– Можно тебя кое о чем попросить, мама? – как-то начала Эми, с таинственным видом входя в комнату.

– О чем же, милая? – спросила мама, в чьих глазах статная девушка все еще была ее «малышкой Эми».

– Класс живописи распускают на следующей неделе, и я хотела бы пригласить девочек в гости, пока они не разъехались. Они мечтают увидеть реку, сделать набросок сломанного моста и срисовать пару картинок из моего альбома. Они были очень добры ко мне, и я за многое им благодарна. Они все богатые, а я бедная, но они относятся ко мне как к равной.

– А почему им относиться иначе, дорогая? – насторожилась миссис Марч.

– Ты и сама знаешь! Разница очень даже ощущается! Но не надо хохлиться, как заботливая наседка, защищая дитя от других птиц. Я еще превращусь в лебедя, как тот гадкий утенок – вот увидишь! – улыбнулась Эми – она была жизнерадостна по натуре и умела надеяться на лучшее.

Миссис Марч рассмеялась, уняв задетую материнскую гордость, и спросила:

– Ну, мой прекрасный лебедь, каков же твой план?

¹⁵ Микеланджело Буонарроти (1475–1564) – итальянский живописец, скульптор, архитектор, мыслитель и поэт, яркий представитель эпохи Возрождения.

– Приглашу девочек на ланч на следующей неделе, покажу красивые места, может быть, прокатимся по реке, устроим маленький художественный праздник.

– По-моему, вполне выполнимо. Что ты хочешь подать на ланч? Пирожные, сэндвичи, фрукты и кофе, полагаю, этого достаточно?

– Нет, что ты! Непременно нужен говяжий язык, курица, французский шоколад и еще мороженое! Девочки привыкли к таким вещам, и я хочу, чтобы мой ланч был изысканным и соответствовал их уровню, хоть я и должна зарабатывать на жизнь, в отличие от них!

– Сколько будет дам? – спросила мама более серьезно.

– В классе человек двенадцать – четырнадцать, но придут не все.

– Господи помилуй! Придется нанимать омнибус!

– Что ты, мама! Будет не больше шести – восьми девочек, я возьму коляску или позаимствую у мистера Лоренса *шар-баран* (так Ханна называла шарабан¹⁶).

– Это очень дорого, Эми!

– Не очень! Я посчитала и оплачу сама.

– Послушай, дорогая, раз девочки привыкли к роскоши, мы их ничем не удивим, даже если очень постараемся. Разве им не будет приятно испытать более скромные радости – хотя бы ради разнообразия? И нам не придется покупать и занимать лишние вещи, а также примерять стиль жизни, который нам не по карману.

– Если нельзя сделать, как я хочу, то лучше совсем не приглашать! Ты знаешь, что я прекрасно справлюсь, если вы с девочками немного поможете. Почему мне нельзя поступить по-своему, если я сама плачу? – сказала Эми с решимостью, которая лишь крепла от возражений.

Миссис Марч знала, что лучше всего люди учатся на собственном опыте, поэтому, когда представлялся случай, позволяла девочкам набивать собственные шишки, хотя с радостью облегчила бы им жизнь, не отвергая их советы, словно горькое лекарство.

– Хорошо, Эми. Если твердо решила и уверена, что не потратишь слишком много денег, времени и нервов, я возражать не буду. Договорись с девочками, а я вам помогу по мере сил.

– Спасибо, мама! Ты самая добрая! – воскликнула Эми и поспешила излагать планы сестрам.

Мэг сразу согласилась и пообещала помощь, с готовностью предложив все, что имеет – от лучших ложечек до своей гостиной в ее маленьком доме. Джо идея не понравилась, и поначалу она наотрез отказалась участвовать.

– Зачем тратить деньги, беспокоить родных и переворачивать дом вверх дном ради девочек, которым наплевать на тебя? Я думала, у тебя больше гордости и здравого смысла, и ты не станешь пресмыкаться ни перед одним живым существом только потому, что оно носит французские туфли и разъезжает в карете! – ответила Джо, которая дописывала трагическую развязку очередного рассказа и не желала отвлекаться на светские мероприятия.

– Я не пресмыкаюсь! И нечего поучать, я не глупее тебя! – возмутилась Эми (сестрам до сих пор иногда случалось ссориться). – Девочки меня ценят, а я их! Они добрые, умные и талантливые, несмотря на «модную ерунду», как ты выражаешься. Ты не пытаешься понравиться людям, войти в хорошее общество и воспитывать в себе вкус и совершенствовать манеры. А я пытаюсь и буду пользоваться любым представившимся случаем! Ты можешь идти по жизни, растопырив локти и задрав нос, и называть это независимостью, если тебе так нравится! А я выбираю другой путь!

Если уж Эми ввязывалась в спор, то всегда выходила победительницей, поскольку была вооружена и острым язычком, и разумными аргументами. Что касается Джо – ее свободолюбие и ненависть к условностям, как правило, выходили за рамки разумного, поэтому ее поражение в словесной перепалке было неизбежно. Эми так красочно изобразила ее представления о

¹⁶ Шарабан – открытая повозка с деревянными скамьями.

независимости, что обе расхохотались, и обсуждение приняло более дружелюбный характер. После долгих уговоров Джо неохотно согласилась пожертвовать один день на нужды миссис Гранди¹⁷ и помочь сестрам осуществить «нелепую задумку».

Эми разослала приглашения, большинство из них было принято, и великое событие назначили на следующий понедельник. Ханна была не в духе, потому что привычный ход событий был нарушен, и мрачно предсказывала, что «если вовремя не постирать, не погладить, все наперекосяк пойдет!» Действительно, перебои в работе отлаженного механизма плохо сказались на подготовке к мероприятию, однако Эми, следуя девизу *Nil desperandum*¹⁸, шла вперед, невзирая на препятствия, коих было немало. Ханне не слишком удались новые блюда – курица получилась жесткой, язык пересоленным, а шоколад не желал пениться. Торт и мороженое оказались дороже, чем Эми рассчитывала, как и повозка. Множество трат, которые были незначительными по отдельности, вместе составили пугающую сумму. Бет простудилась и слегла в постель; к Мэг вдруг нагрянули гости, и она не могла уйти из дома, а Джо пребывала в такой рассеянности, что роняла, разбивала и путала больше обычного, к ужасу и раздражению Эми.

– Если бы не мама, я ни за что не справилась бы! – с благодарностью вспоминала Эми, когда остальные уже позабыли о «главной шутке сезона».

В случае если в понедельник будет плохая погода, то гости перенесут свой визит на вторник, что окончательно вывело из равновесия Ханну и Джо. В понедельник утром погода не определилась: то моросило, то выглядывало солнце, то дул ветер. Проливной дождь был бы предпочтительнее. Казалось, погода назло никак не определится, чтобы и остальные маялись.

Эми поднялась на рассвете сама и разбудила всех, после торопливого завтрака они принялись приводить в порядок дом. Гостиная вдруг показалась Эми необычайно убогой, однако она не стала жалеть о том, чего не имеет, а с умом распорядилась тем, что было в наличии: закрыла стульями потертости на ковре, пятна на обоях спрятала под картинами, пустые углы заполнила статуэтками собственного изготовления, придававшими комнате вид творческого салона, как и многочисленные вазы с букетами, которые непрестанно опрокидывала Джо.

Стол для гостей выглядел очаровательно, оставалось лишь надеяться, что на вкус он также хорош и уповать на то, что заимствованный фарфоровый сервиз, стеклянные бокалы и серебряные приборы вернутся к хозяевам в целостности и сохранности. Повозка должна была вот-вот прибыть, мама и Эми готовились исполнять обязанности хозяйек, Бет встала из постели, чтобы помочь Ханне на кухне, Джо обещала быть веселой и дружелюбной, насколько позволяли рассеянность, головная боль и решительное неодобрение самого действия и всех его участников. Утомленная Эми одевалась, предвкушая счастливый момент, когда с едой будет покончено, и она с подругами отправится на праздник творчества – основные надежды она возлагала на «шар-баран» и сломанный мост.

Два часа миновали в томительном ожидании, Эми без конца выскакивала на крыльцо, а остальные члены семьи давали противоречивые прогнозы. В одиннадцать утра полил дождь, который, без сомнения, отбил охоту у дам, так что к оговоренным двенадцати часам никто не приехал. Измученное семейство прождало до двух, а затем в ярких лучах солнца умяли по убийственной порции праздничной еды, чтобы ничего не пропало.

– Сегодня погода точно будет хорошей, надо скорее готовиться! – объявила Эми, проснувшись на следующее утро. Внешне она была бодра, однако втайне жалела, что позволила перенести приглашение на вторник, поскольку ее энтузиазм, так же как и торт, несколько утратил свежесть.

Полчаса спустя вернулся мистер Марч и сказал с видом полного отчаяния:

¹⁷ Миссис Гранди – образное имя крайне условной или педантичной особы, олицетворение тирании условного приличия, персонаж комедии Томаса Мортонна «Ускорь плуг» (1798).

¹⁸ Не отчаивайся (лат.).

– Я не смог купить омаров, придется сегодня обойтись без салата...

– Используем курицу – в салате никто не заметит, что она жесткая! – нашла выход его жена.

– Ханна оставила курицу на столе, и котята съели ее... Прости меня, Эми!.. – извинилась Бет за своих подопечных.

– Тогда мне просто необходим омар, одного говяжьего языка не хватит! – решительно заявила Эми.

– Хочешь, я быстро съезжу в город и достану? – благородно предложила Джо.

– Ты притащишь его под мышкой без всякой обертки, чтобы меня позлить! Я сама поеду! – отказалась Эми, теряя терпение.

Надев плотную вуаль и вооружившись изящной корзиной для покупок, Эми отправилась в город, надеясь, что прогулка уймёт тревогу перед трудным днем. Поиски увенчались успехом, омар был куплен вместе с бутылкой соуса, и она пустилась в обратный путь, довольная своей предусмотрительностью.

В омнибусе никого не было, кроме спящей старушки, поэтому Эми засунула вуаль в карман и коротала время, подсчитывая на листке, куда подевались все деньги. Увлеченная сложными исчислениями, она не заметила, что еще один пассажир запрыгнул в салон прямо на ходу.

– Доброе утро, мисс Марч! – прозвучал мужской голос над ее ухом.

Подняв глаза, Эми увидела одного из самых знатных одноклассников Лори. Она сделала вид, что не имеет отношения к корзинке, стоящей у ее ног, всем сердцем надеясь, что молодой человек сойдет первым, и, порадовавшись, что надела новое дорожное платье, невозмутимо ответила на приветствие.

Узнав, что он действительно выходит раньше, Эми успокоилась, оба увлеклись изысканной светской беседой, и все шло хорошо, пока... Старушка, пробираясь к дверям, пошатнулась, опрокинула корзину, и оттуда – о ужас! – вывалился огромный омар – во всем своем блеске и вульгарности представ перед августейшим взором потомка Тюдоров!

– Вот это да! Она чуть не забыла свой ужин! – воскликнул ничего не подозревающий юноша, тростью задвигая красное чудище обратно в корзину и намереваясь вручить ее старушке.

– Пожалуйста, не надо... это мое... – пробормотала Эми, не менее красная, чем рак.

– Неужели? Прошу прощения! Прекрасный экземпляр, не правда ли? – не растерялся воспитанный наследник Тюдоров, разглядывая животное с почтительным интересом.

Эми, быстро оправившись от потрясения, смело поставила корзинку на сиденье, со смехом сказав:

– Он будет еще прекрасней в салате. Жаль, вы его не отведаете, тем более, что на обед собирается компания очаровательных дам!

Эми с присущей ей проницательностью затронула две самые важные струны мужского сердца. Забавное недоразумение было забыто, уступив место приятному волнению и любопытству по поводу «очаровательных дам».

«Наверняка посмеются надо мной вместе с Лори, хорошо, что я этого не увижу!» – подумала Эми, когда наследник, откланявшись, сошел.

Дома она ничего не рассказала про встречу, даже обнаружив, что платье сильно испорчено подтеками соуса, который пролился в корзине в результате падения, сразу приступила к работе, еще более утомительной, чем накануне. К двенадцати часам все было готово во второй раз. Чувствуя интерес соседей к необычным перемещениям, Эми мечтала заглавить вчерашний промах оглушительным успехом. Одолжив *шар-баран*, она торжественно отбыла на станцию, чтобы встретить гостей и препроводить их к столу.

– Колеса стучат! Они едут! Выйду на крыльцо, чтобы встретить гостей! Надеюсь, все пройдет хорошо, бедная девочка так старалась! – сказала миссис Марч, приводя задуманное в исполнение.

Однако, взглянув на дорогу, она тут же вернулась в дом, и выражение ее лица было неопи-
сваемым – в большой карете сидела Эми в сопровождении всего одной гостьи.

– Бет, давай поможем Ханне убрать половину еды – глупо сажать одного человека за стол, накрытый для двенадцати! – воскликнула Джо, спускаясь на кухню – в спешке она даже не нашла времени посмеяться.

Эми зашла спокойная и безупречно любезная по отношению к единственной сдержавшей слово подруге. Мама и сестры исполняли свои роли не хуже артистов в театре, и мисс Эллиот нашла Марчей презабавными (они не всегда могли сдержать обуревавшее их временами веселье). Девушки весело отведали повторно приготовленный ланч, посетили сад и мастерскую, увлеченно поговорили о живописи. Эми распорядилась подать коляску (изысканный *шар-баран*, увы, не пригодился) и прокатила подругу по окрестностям, затем, когда солнце село, «праздник закончился».

Со станции Эми вернулась утомленная, но спокойная, и увидела, что от злополучного «приема» не осталось и следа, кроме подозрительно поджатых губ Джо.

– Погода была подходящей для прогулки, дорогая! – сказала мама с таким уважением, как будто присутствовали все двенадцать приглашенных.

– Мисс Эллиот милая девушка, и ей все очень понравилось! – ласковой обычной заметила Бет.

– Можно взять немного торта? Мне пригодится, потому что постоянно заходят гости, а я не умею готовить такие вкусные десерты! – попросила Мэг.

– Забирай весь! Никто не ест сладкого, кроме меня, и он испортится! – ответила Эми со вздохом подумав, как щедро она потратилась, и как мало получила взамен.

– Жалко Лори нет! Он помог бы! – начала было Джо, когда они четвертый раз за два дня ели салат и мороженое.

От дальнейших замечаний ее удержал предостерегающий мамин взгляд. Трапеза продолжалась, и все героически хранили молчание. Миссис Марч, старательно подыскивая нейтральную тему, сказала:

– Древние, между прочим, тоже любили салаты. Как писал Ивли¹⁹...

Мы так и не узнаем, что писал о салатах сей ученый муж, поскольку слова миссис Марч были прерваны дружным хохотом.

– Заверните остатки в корзину и отправьте семье Хаммел – немцы любят всякую мешанину. Лично я салаты больше видеть не желаю! И вам не позволю умереть от переедания только потому, что я была дурочкой! – воскликнула Эми, утирая глаза.

– Я и правда чуть не умерла, когда увидела, как вы сидите в большой коляске, словно два зернышка, а мама вышла встречать праздничную процессию! – выдохнула Джо, обессилив от смеха.

– Мне очень жаль, что все получилось не так, как ты задумала. Мы старались тебе угодить! – сочувственно сказала миссис Марч.

– Я довольна! Я исполнила задуманное, и не моя вина, что они не приехали – буду утешаться этим! – ответила Эми слегка дрогнувшим голосом. – Спасибо вам за помощь! А если вы хотя бы месяц не будете припоминать мне сегодняшний день, я буду еще больше благодарна!

¹⁹ Джон Ивлин (1620–1706) – английский писатель, садовод и мемуарист. Автор книги «Винегрет, или Рассуждения о салатах» (1699).

Никто не припоминал, и даже не один месяц, однако слово «салат» с тех пор вызывало улыбку на лицах, а Лори вручил Эми на день рождения маленькую коралловую подвеску в форме омара.

Глава четвертая. Писательский путь

Удача неожиданно улыбнулась Джо, бросив на ее пути счастливую монетку. Конечно, не золотую, но никакие миллионы не сделали бы ее такой счастливой, как самая скромная сумма, заработанная собственным писательским трудом.

Раз в несколько недель Джо запиралась в комнате, облачившись в «писательский наряд» и «впадала в безумие», как она сама выражалась, полностью погрузившись в создание романа. «Писательский наряд» состоял из черного передника, о который она безбоязненно отирала перо, и также черного чепца, украшенного веселым красным бантом, который она надевала, чтобы волосы не мешали работе. Внимательные домочадцы судили о состоянии дел именно по этому чепцу. В периоды «безумия» они держались от Джо подальше, лишь изредка заглядывая в дверь и вопрошая: «Ну как, Джо? Есть вдохновение?» Иногда они не осмеливались спрашивать, а просто смотрели на чепец и действовали соответственно. Если сей выразительный предмет одежды был надвинут на лоб, значит, работа шла полным ходом, в радостные моменты чепец залихватски сдвигался на затылок, а когда автора охватывало отчаяние – головной убор срывали с головы и швыряли на пол. Завидев чепец на полу, вошедший тихо удалялся, и, пока красный бант не начинал вновь раскачиваться над высоким лбом одаренной писательницы, никто не смел приближаться.

Хотя Джо ни в коем случае не считала себя гением, когда на нее находила охота писать, она отдавалась порыву целиком, без остатка, и проводила счастливые дни в любую погоду, ни в чем не нуждаясь и забыв о делах, в вымышленном мире, населенном друзьями, почти столь же реальными, как люди из плоти и крови. Она не смыкала глаз, еда оставалась нетронутой, ей не хватало ни дня, ни ночи, чтобы насладиться счастьем в эти благословенные дни – ради этого счастья и стоило проживать эти часы, даже если работа не приносила плодов. Вдохновение обычно длилось неделю или две, «безумие» заканчивалось, оставляя Джо голодной, сонной, злой или угнетенной.

Джо как раз пришла в себя после очередного приступа вдохновения, когда мисс Крокер уговорила ее вместе сходить на лекцию, а за свою доброту Джо была вознаграждена свежей идеей. Это была лекция о египетских пирамидах, которую мог посетить любой желающий. Выбор темы для данной аудитории был удивительно неудачным, однако Джо приняла ее как должное, исходя из того, что раскрытие тайны величия фараонов излечит социальные пороки и удовлетворит народные нужды, даже если аудитория интересуется ценами на уголь и муку больше, чем загадкой Сфинкса.

Пришли рано. Пока мисс Крокер поправляла чулки, Джо развлекалась тем, что разглядывала лица других слушателей. Слева расположились две матроны с массивными лбами и внушительными шляпами. Матроны плели кружево, обсуждая женское равноправие. Сверху сидела влюбленная парочка, неловко держась за руки, мрачная старая дева, поедавшая мятные леденцы из бумажного пакета, и старый джентльмен, который, очевидно, решил выпасться перед лекцией, прикрыв лицо желтым платком. Единственным соседом справа был серьезный паренек, погруженный в чтение газеты.

Это было иллюстрированное издание, и Джо принялась рассматривать картинку, праздно размышляя, какая смесь неудачных стечений обстоятельств случилась в истории. На иллюстрации изображены индеец, в полном боевом облачении, падающий с обрыва вместе с волком, вгрызшимся ему в горло, два разъяренных молодых джентльмена с неестественно большими глазами, вонзающие друг в друга ножи, и растрепанная девушка, убегающая прочь с широко раскрытым ртом. Переворачивая страницу, паренек перехватил взгляд Джо и с мальчишеским добродушием предложил ей половину газеты, сказав просто:

– Хотите почитать? Отличная история!

Джо с улыбкой взяла листок – она все так же тянулась к компании мальчишек. Вскоре она была затянута в водоворот любви, тайн и убийств – история принадлежала жанру сенсационного рассказа – легкого чтива, где кипят немыслимые страсти, а когда у автора иссякает фантазия, он насыляет на персонажей катастрофу; тогда половина из них погибает, а вторая половина остается злорадствовать.

– Высший сорт, правда? – спросил мальчик, когда Джо дочитала до конца последнего абзаца своего листа.

– Так любой дурак может! – ответила она, удивляясь, почему ему нравится эта низкопробная писанина.

– Хотел бы я так уметь! Говорят, она хорошо зарабатывает! – Паренек указал на имя под названием – «миссис С. Л. Э. Н. Г. Нортбери».

– Ты ее знаешь? – заинтересовалась Джо.

– Нет, но я читал все ее рассказы и знаю парня, который работает в издательстве, где печатают эту газету!

– Говоришь, ей хорошо платят? – Джо заинтересованно посмотрела на страницу, испещренную восклицательными знаками.

– Наверное! Почему не платить, если она нравится публике?

Началась лекция, однако Джо почти не слушала. Пока профессор Сендс нудно распространялся о Бельцони²⁰, Хеопсе, скарабеех и иероглифах, она тайком списала адрес газеты и приняла смелое решение побороться за столларовый приз, обещанный газетой за лучший рассказ. К тому времени как лекция закончилась и слушатели проснулись, Джо уже успела мысленно сколотить огромное состояние с помощью пера и бумаги (впрочем, не в первый раз) и увлеченно придумывала сюжет истории – только вот никак не могла решить, должна ли дуэль быть до побега или сразу после убийства.

Дома она ничего не рассказала о своем плане, но уже на следующий день усердно приступила к работе, чем волновала маму – та не любила, когда писательница работала на износ. Стил был совершенно новым для Джо, раньше она писала лишь нежные рассказы про любовь для «Гордого орла». Опыт театральных постановок и начитанность очень пригодились, благодаря им Джо имела представление о театральных эффектах, фабуле, диалогах и костюмах. Ее история была полна тоски и отчаяния, насколько позволял скудный опыт описать эти неприятные чувства. Поскольку действие происходило в Лиссабоне, Джо посчитала землетрясение логичной развязкой. Рукопись была тайно отправлена в издательство, сопровождаемая запиской, где скромно говорилось, что автор не смеет надеяться на получение приза, обещанного за лучшую работу, и удовлетворится любой суммой в качестве вознаграждения.

Ждать шесть недель непросто, а еще сложнее хранить тайну, особенно для девушки. Джо выдержала оба испытания и уже почти потеряла надежду вновь увидеть свою рукопись, как вдруг пришло письмо. Джо открыла конверт, и у нее перехватило дыхание, потому что на колени ей выпал чек. С минуту она смотрела на него с ужасом, будто перед ней была змея, а потом расплакалась. Если бы любезный джентльмен, написавший доброе послание, знал, какое пронзительное счастье он принес другому живому существу, то наверняка посвящал бы свободное время написанию подобных писем. Джо была рада записке больше, чем деньгам, ибо она содержала похвалу, и как же приятно было после долгих лет стараний получить подтверждение, что она чему-то научилась – пусть всего лишь писать сенсационные рассказы.

Не было человека более гордого собой, чем Джо, когда, слегка успокоившись, она потрясла домашних, появившись с чеком в одной руке и письмом в другой, и объявила, что выиграла приз!

²⁰ Джованни Баттиста Бельцони (1778–1823) – итальянский путешественник и археолог.

Разумеется, все праздновали великое событие, а когда история вышла, читали и восхищались. Отец похвалил стиль, свежую и трогательную романтическую линию и захватывающий сюжет, однако добавил, философски покачивая головой:

– Ты можешь лучше, Джо! Не довольствуйся малым, деньги не главное!

– А мне кажется, главное! Что ты будешь делать? Это же целое состояние! – поинтересовалась Эми, почтительно разглядывая волшебный листок.

– Пошлю Бет с мамой на море на пару месяцев! – мгновенно ответила Джо.

– О, как чудесно! – Бет всплеснула руками и глубоко вздохнула, словно уже вдыхала морской воздух, а потом осеклась и отвела рукой чек, которым Джо размахивала у нее перед носом. – Я не могу так поступить, дорогая, это слишком эгоистично!

– Нет, можешь! Я так хочу! Я для тебя старалась, потому у меня и получилось! Если думать только о себе, ничего путного не выходит, поэтому всегда буду работать для тебя! К тому же, мамочке нужна перемена места, а тебя она не оставит, ты просто обязана поехать. Представь, как будет здорово, если ты вернешься пухленькая и розовощекая, как раньше? Да здравствует доктор Джо, она всегда найдет лучшее лечение!

После долгих споров они все же отправились к морю, и хоть Бет не вернулась «пухленькой и розовощекой», ей стало гораздо лучше, а миссис Марч заявила, что помолодела на десять лет. Джо, посчитав, что выгодно вложила призовые деньги, радостно взялась за работу, чтобы скорее получить побольше чеков. Она заработала еще несколько в тот год и начинала ощущать свой вес в доме – ее волшебное перо превращало «глупости и ерунду», которые приходили ей в голову, в реальные ценности для всей семьи. «Дочь герцога» покрыла счет из мясной лавки, «Призрачная рука» расстелила новый ковер, а «Проклятье семейства Ковенри» обернулось для Марчей благословением, снабдив их новыми нарядами и едой.

Достаток, без сомнения, вещь желанная, однако и у бедности есть свои преимущества, одно из которых глубокое удовлетворение, которое человек получает от упорной физической или умственной работы. Нужда порождает вдохновение, и именно ей человечество обязано половиной мудрейших и полезнейших творений. Джо, познав вкус удовлетворения трудом, перестала завидовать более богатым девочкам и радовалась, что способна сама исполнить свои желания, и ей не нужно никого просить.

Ее рассказы не прогремели, однако нашли своего читателя, и воодушевленная Джо решила еще раз попытать счастья, чтобы стать богатой и знаменитой. Переписав роман в четвертый раз, прочитав его всем доверенным лицам, она, дрожа от страха, подала его в три издания, и в одном из них рукопись наконец приняли, потребовав сократить на треть и выкинуть все любимые места.

Джо оказалась перед выбором: оставить роман пылиться на чердаке, опубликовать за свои деньги или урезать по требованиям издательства и взять, сколько дадут.

– Слава – это прекрасно, но деньги в хозяйстве больше пригодятся. Хотелось бы услышать общее мнение по данному вопросу! – сказала Джо, собрав семейный совет.

– Не порть книгу, дочка! В ней больше ценности, чем ты предполагаешь, и замысел хорошо осуществлен. Пусть полежит, подождет своего часа! – посоветовал отец.

Сам он следовал собственному совету, и плод его трудов уже тридцать лет зрел и ждал часа, а мистер Марч все не торопился его срывать.

– Думаю, Джо лучше воспользоваться возможностью, чем ждать! – возразила миссис Марч. – Для писателя важно услышать критику, она открывает сильные и слабые стороны, доселе незамеченные, и помогает совершенствоваться. Мы не можем судить беспристрастно. А похвала и порицание посторонних будет ей уроком – пусть гонорар будет небольшим.

– Правда... – хмурясь, произнесла Джо. – Я столько с ним возилась, что уже не знаю, плох он или хорош. Было бы здорово, чтобы незаинтересованные люди со свежим взглядом выразили свое мнение.

– Оттуда нельзя ни слова вычеркивать! Ты все испортишь! Сюжет многое потеряет, если убрать рассуждения и оставить лишь события. Без рассуждений совсем не то! – воскликнула Мэг, которая искренне считала, что роман Джо – лучшее произведение на свете.

– А мистер Аллен считает – пусть будет кратко и выразительно, и пусть герои сами за себя говорят! – перебила Джо, зачитывая письмо от издателя.

– Послушай его, он знает, что хорошо продается, а мы нет. Издай популярную книгу и возьми, сколько заплатят. А потом, когда прославишься, будешь разглагольствовать и включать в книги философов, ищущих смысл жизни, – посоветовала практичная Эми.

– Ну, – рассмеялась Джо, – лично я в философии не разбираюсь, лишь иногда слышу папины рассуждения. Видно, порой я невольно вставляю в романтические истории папины мудрые мысли. А ты что скажешь, Бет?

– Я бы хотела, чтобы роман поскорей увидел свет! – сказала Бет.

Она улыбалась, однако в ее по-детски чистых глазах читалась тревога, и слово «поскорей» прозвучало слишком настойчиво.

Сердце Джо сжалось от нехорошего предчувствия, и она решила издать свое произведение «поскорей». Со спартанским мужеством юная писательница разложила перед собой своего первенца и принялась резать с хладнокровием хирурга. Не желая никого обижать, она попыталась последовать советам всех родных, однако в результате никому не угодила.

Отцу нравилась философская направленность, и Джо ее оставила, хоть и сомневалась, что стоит. Мама считала, что в книге чересчур много описаний, и все они были вычеркнуты, вместе с важными для сюжета деталями. Мэг любила драматические сцены, и Джо не пожалела страданий, чтобы ее порадовать, а Эми не одобряла шуток, поэтому Джо, с наилучшими побуждениями, упразднила веселые сцены, оживляющие образ мрачного главного героя. В довершение всего, роман был сокращен на треть, и Джо, словно ошипанного птенца, отправила жалкие остатки произведения попытать судьбу в большом суровом мире.

Роман вышел, и Джо получила триста долларов, а также множество похвал и порицаний, и того и другого было намного больше, чем она ожидала, поэтому еще долго пребывала в недоумении.

– Мама, ты говорила, что критика мне поможет – но кому верить? Отзывы настолько противоречивы: кто-то говорит, что я многообещающий автор, а кто-то обвиняет во всех смертных грехах! – воскликнула бедная Джо, вороша гору писем, чтение которых в одну секунду наполняло ее гордостью и счастьем, а в следующую – повергало в отчаяние и ярость. – Вот этот говорит: «Восхитительная книга! Правдивая, красивая и искренняя история. Мило, свежо и нравственно!» – продолжала озадаченная писательница. – А следующий: «Теория, изложенная в книге, неверна – болезненные фантазии, спиритический бред, неестественные персонажи». Учítывая, что никакой теории я не излагала, в спиритизм не верю, а персонажей списывала с реальных людей, не знаю, верить ли этому критику! Этот пишет: «Один из лучших американских романов за последние годы». Я читала и лучше! А следующий утверждает, что «хоть книга оригинальна и написана с усердием и чувством, она опасна для читателя». Ничего она не опасна! Кто-то высмеивает, кто-то перехваливает, и почти все утверждают, что я излагаю некую глубокую теорию, а я лишь хотела позабавиться и немного заработать! Надо было публиковать целиком или совсем не публиковать! Как жаль, что люди неверно обо мне думают!

Друзья и родные не скупились на утешения и похвалы, однако то были тяжелые времена для чувствительной и пылкой Джо, которая оказалась наказана за благие намерения. Опыт, однако, действительно пошел на пользу, ибо те, чье мнение было ценно, сделали замечания, благодаря которым писатель может чему-то научиться, а когда улеглось разочарование, Джо посмеялась над бедным романом, однако не потеряла веры в него и почувствовала себя сильнее и мудрее после перенесенной встряски.

– Я не помру, я же не Китс!²¹ – бодро заявила Джо. – К тому же есть и хорошая новость – то, что я взяла из жизни, обозвали невероятным и нелепым, а то, что придумала моя глупая голова – достоверным, естественным и настоящим. Буду утешаться этим и когда-нибудь попробую еще!

²¹ Джон Китс (1795–1821) – английский поэт-романтик. Умер в возрасте 25 лет от чахотки, болезнь усугубилась тем, что его поэма была встречена жесткой журнальной критикой.

Глава пятая. Домашние хлопоты

Как и многие молодые жены, Мэг поначалу решила, что будет образцовой домохозяйкой. Дом станет для Джона раем, муж будет ежедневно пировать, и пуговицы на его костюме всегда будут на месте. И она вложила в работу столько любви, радости и энтузиазма, что успех был гарантирован, несмотря на трудности. Создание рая оказалось волнительным занятием, поскольку юная хозяйка суежилась, слишком старалась угодить и беспрестанно хлопотала, обремененная горой дел. Иногда под вечер у нее не оставалось сил улыбнуться, а Джон, заработав несварение желудка после череды изысканных блюд, проявил черную неблагодарность и попросил что-нибудь попроще. Что касается пуговиц, Мэг только диву давалась, куда они деваются, и почему мужчины такие невнимательные. Она грозилась, что заставит мужа пришивать пуговицы самостоятельно, тогда, возможно, он перестанет их теребить и дергать впопыхах.

Однако они были очень счастливы, даже когда поняли, что одной любви для семейной жизни недостаточно. Личико Мэг не стало менее красивым оттого, что привычно выглядывало из-за кофейника, а Джон не стал менее романтичным, потому что после обычного прощального поцелуя по утрам заботливо спрашивал:

– Сегодня к ужину прислать телятины или баранины, дорогая?

Маленький коттедж больше не был райскими кущами, но превратился в уютный дом, и молодые люди скоро поняли, что эта перемена к лучшему. Поначалу они увлеченно домовничали с детским энтузиазмом, а затем Джон, ощущая ответственность главы семейства, вплотную занялся своим делом, а Мэг, отложив батистовые халаты, облачилась в большой передник и взялась за работу, как говорилось ранее – не жалея сил.

Пока длилось увлечение кулинарией, Мэг изучала книгу рецептов миссис Корнелиус, словно это был учебник математики, терпеливо и внимательно вникая в формулы. Иногда она готовила слишком много и, если блюда удавались, звала на помощь родных, а неудавшуюся стряпню сгружала в корзину, чтобы Лотти унесла ее с глаз долой и скормила благодарному семейству Хаммел. После еженедельного подсчета финансов кулинарный энтузиазм стихал, и наступали дни жесткой экономии, когда бедному хозяину дома приходилось довольствоваться хлебным пудингом, тушеными овощами и подогретым кофе, что было тяжким испытанием, которое Джон сносил с похвальной стойкостью. Прежде чем Мэг все же удалось прийти к золотой середине, их не миновало бедствие, постигающее многие молодые пары – период домашних заготовок.

Одержимая желанием заполнить кладовую ровными рядами баночек, Мэг решила приготовить смородиновое варенье. Попросила Джона заказать дюжину горшочков и запастись сахаром, поскольку смородина в их саду уже поспела, и ждать было нельзя. Джон, уверенный, что его жена умеет все, гордился ее талантами и решил, что немедленно исполнит просьбу, и урожай с единственного плодоносящего растения, которым они владеют, порадует их зимой. Он прислал Мэг четыре дюжины очаровательных горшочков, полбочонка сахара, а также мальчика для сбора ягод. Юная хозяйка спрятала под чепец свои великолепные волосы, надела клетчатый фартук, который даже несмотря на детскую манишку смотрелся на ней игриво и, засучив рукава, приступила к делу, будучи совершенно уверена в успехе – она сотни раз видела, как варит варенье Ханна. Количество горшков поначалу ее озадачило, однако Джон так любил сладкое, а горшочки так прекрасно смотрелись бы на верхней – специально отведенной для заготовок полке, что Мэг решила наполнить их все. Целый день она собирала, варила, суежилась и колдовала. Она старалась изо всех сил, обращалась за советом к мадам Корнелиус, рылась в памяти, пытаясь понять – что же такого делала Ханна, что она, Мэг, упустила. Переваривала, добавляла сахара, начинала все заново... А коварная жижа никак не хотела застывать.

Мэг уже готова была броситься домой, не снимая испачканного фартука, и позвать на помощь маму, однако они с Джоном условились никого не посвящать в семейные проблемы, эксперименты или ссоры. Слово «ссоры» вызывало у них смех, даже сама идея, что они могут поругаться, казалась дикой. В общем, Мэг в одиночку воевала с упрямым десертом весь летний жаркий день, а к пяти часам села посреди разгромленной кухни и, заломив перепачканные руки, зарыдала в голос.

Надо сказать, что в первые дни супружеской жизни Мэг, переполненная энергией, часто говорила:

– Мой муж может приводить друзей домой, когда пожелает. Я буду всегда готова. Никакой суматохи, недовольства или смущения – чистый дом, радостная жена и вкусный ужин! Джон, дорогой, не нужно спрашивать разрешения, приглашай кого хочешь, я всегда рада!

Как это было очаровательно! Джон, сияя от гордости, думал, что у него лучшая в мире жена. Иногда у них случались гости, тем не менее без предупреждения еще никто не приходил, поэтому у Мэг не было возможности отличиться. Юдоль земная часто приносит нам тяжкие и неожиданные испытания.

Джон забыл про варенье, иначе не было бы ему оправдания, поскольку он решил привести в дом нежданного гостя именно в тот злополучный день. Мысленно поздравив себя с тем, что с утра заказал продукты для весьма приятной трапезы, которая, вероятно, будет готова к его возвращению, гордый новым статусом мужа и хозяина Джон шел домой в сопровождении друга, предвкушая, как будет очарован гость, когда красавица Мэг выбежит навстречу.

Достигнув «Гнездышка», Джон понял, что мир полон разочарований. Входная дверь, обычно гостеприимно распахнутая, была не только закрыта, но и заперта на ключ, а на ступеньках крыльца осталась вчерашняя грязь. Окна гостиной также были закрыты и зашторены, красавица жена в белом платье с кокетливой лентой в волосах не шила на веранде, прекрасная хозяйка с сияющим взором не бежала встречать дорогого гостя. Ничего подобного не наблюдалось. Казалось, в доме нет ни души – лишь перепачканный смородиной мальчишка спал под кустом.

– Боюсь, что-то случилось... Подожди в саду, Скотт, а я поищу миссис Брук, – сказал Джон, встревоженный тишиной и неподвижностью.

Он поспешил на задний двор, следуя за резким запахом жженого сахара, а мистер Скотт шел сзади со странным выражением лица. У входа он тактично отстал от мистера Брука, однако видел и слышал происходящие в кухне и, будучи холостяком, получил огромное удовольствие от представления.

На кухне царили хаос и разруха; первая партия жидкого варева была с горем пополам разлита по горшкам, вторая – по полу, третья весело булькала на плите. Лотти с невозмутимостью, присущей ее народу, ела хлеб, запивая смородиновым компотом (именно так выглядело пока варенье), а миссис Брук горько рыдала, зарывшись лицом в фартук.

– О, моя дорогая, что с тобой? – воскликнул Джон, вбегая на кухню.

Он испугался, что Мэг обварила руки или с кем-то случилась беда. Присутствие гостя в саду обостряло ситуацию.

– О, Джон, я так устала, замучилась и издергалась! Я с самого утра вожусь с вареньем! Помоги мне, пожалуйста, иначе я умру!

Измученная хозяйка кинулась на грудь мужа, и объятия ее были сладкими во всех смыслах, поскольку фартук был залит вареньем, как и пол.

– Что такое, дорогая? Произошло что-то ужасное? – спросил Джон, нежно целуя съехавший на бок чепец.

– Да! – рыдая ответила Мэг.

– Расскажи скорее! Только не плачь – для меня нет большего несчастья, чем твои слезы! Ну же, в чем дело, любовь моя?

– Варенье... не густеет... Я не знаю, что делать!

Джон Брук никогда так не хохотал – ни до этого момента, ни впоследствии, Скотт, услышав веселые раскаты, доносящиеся из кухни, невольно улыбнулся, а для Мэг это была последняя капля.

– И вся беда? – смеялся Джон. – Выкинь его в окно и забудь! Я куплю тебе бочку варенья, если хочешь! Только успокойся, пожалуйста, я пригласил Джона Скотта к ужину, и...

Ему не удалось закончить мысль. Мэг, оттолкнув мужа и трагически всплеснув руками, рухнула на стул, воскликнув с возмущением и упреком:

– Гость к ужину?.. В таком беспорядке? Джон Брук, как ты мог?!

– Тише! Он в саду. Я забыл о проклятом варенье! Теперь уже ничего не поделаешь, – сказал Джон, обводя взглядом картину разрухи.

– Надо было послать весточку или предупредить утром! Разве ты забыл, что я занята? – сердито ответила Мэг, ведь даже самые кроткие горлицы начинают клеваться, если их обидеть.

– Утром я не знал и весточку послать не успел бы, мы со Скоттом встретились по дороге. Предупреждать я не думал, потому что ты всегда говорила: зови, кого пожелаешь. Я раньше не звал и больше не буду... – расстроено произнес Джон.

– Очень надеюсь! Уведи его немедленно! Я не могу никого видеть, и ужина нет!

– Просто чудесно!.. Я же присылал говядину и овощи, а ты, между прочим, обещала сделать пудинг! – воскликнул Джон, подбегая к кладовой.

– У меня не было времени готовить. Я думала, мы поужинаем у мамы. Прости, я была ужасно занята! – Мэг вновь расплакалась.

Джон обладал мягким характером, но не был лишен человеческих слабостей: прийти домой уставшим и голодным и найти беспорядок, пустой стол и сердитую жену – такое развитие событий отнюдь не располагает к спокойствию. Джон, однако ж, сдержался, и буря наверняка миновала бы, не произнеси он одного неудачного слова.

– Да, вышло неприятно, я понимаю, но с твоей помощью, мы все уладим и хорошо проведем время. Не плачь дорогая, соберись и найди нам что-нибудь поесть. Мы голодны как волки и привередничать не станем. Подай холодное мясо, хлеб и сыр. А на варенье мы не претендуем!

Он хотел пошутить, однако неудачный выбор слова решил его судьбу. Мэг нашла, что высмеивать ее досадный промах жестоко, и ее терпение лопнуло.

– Неприятно? Вот сам и выпутывайся из этой «неприятности»! Я слишком устала, чтобы «собираться». Предложить гостю глотать кости и жевать сухой хлеб может только мужчина! Я такого в своем доме не потерплю! Веди своего Скотта к маме, скажи, что я заболела или умерла! Я не могу его принять! Так что смейтесь надо мной и над вареньем, сколько угодно, вам все равно здесь больше нечем поживиться! – выпалила она на одном дыхании и убежала в свою комнату, чтобы горевать в одиночестве.

Чем занимались эти двое в ее отсутствие, Мэг не знала, однако Скотта к маме никто не отвел, а когда мужчины ушли, Мэг, спустившись на кухню, к своему ужасу, обнаружила следы перекуса на скорую руку. Лотти доложила, что «джентльмены много ели и смеялись, а потом хозяин велел выкинуть все варенье и спрятать горшки».

Мэг мечтала пойти домой и пожаловаться маме, однако ее сдержал стыд за собственные промахи и преданность Джону, он, конечно, ужасно себя повел, но зачем выставлять его в дурном свете перед родными? Немного прибравшись, Мэг красиво оделась и села ждать мужа, готовая к примирению.

Тот, к несчастью, домой не торопился, поскольку видел ситуацию по-своему. Скотту он представил инцидент с вареньем в виде шутки, как мог, объяснил отсутствие жены и так радушно принимал гостя, что тот остался крайне доволен импровизированным ужином и пообещал прийти еще. Однако Джон был сердит, хоть и не показывал этого. Он чувствовал, что Мэг его подвела и бросила в трудную минуту.

«Несправедливо говорить человеку, чтобы приглашал гостей, когда заблагорассудится, а потом, когда он пригласил, злиться, обвинять и бросать его на произвол судьбы, делать посмешищем и предметом жалости! Видит бог, несправедливо!»

Пируя с приятелем, Джон внутренне кипел от возмущения. Впрочем, когда страсти немного улеглись и он, проводив Скотта, возвращался домой, его настрой смягчился.

«Бедняжка! Ей тяжело пришлось, а ведь она старалась ради меня! Да, Мэг была неправа, но ведь она еще молода. Я должен терпеливо ей объяснить!»

Джон надеялся, что она не ушла домой – не хватало, чтобы родные их обсуждали и вмешивались! От одной мысли об этом он снова рассердился. Потом испугался, что Мэг все еще плачет и заболеет от слез и горя, и сердце его смягчилось. Он решил по-доброму, но твердо, очень твердо, дать ей понять, что она нарушила супружеский долг.

Мэг тем временем тоже решила по-доброму, но твердо объяснить Джону, что он не выполнил обязанностей. Ей хотелось побегать навстречу, попросить прощения и тут же получить поцелуй и утешения (в чем она даже не сомневалась), однако она ничего подобного не сделала и при появлении Джона стала беззаботно напевать, покачиваясь в кресле за шитьем, словно светская дама в салоне.

Джон, спешивший к своей Ниобе²², был слегка разочарован. Уязвленная гордость не позволила ему просить прощения первым, и он неторопливо зашел, лег на диван, непринужденно заметив:

– Завтра будет полнолуние, дорогая!

– Пусть будет, – последовал невозмутимый ответ.

Далее мистер Брук предложил еще несколько тем, представляющих общий интерес. Миссис Брук ни одну из них не поддержала, и разговор иссяк. Джон отошел к одному окну, раскрыл газету и полностью погрузился в чтение; Мэг отсела к другому и стала шить так сосредоточенно, будто розочки для новых туфель были ей жизненно необходимы. Никто не разговаривал, оба пытались придерживаться стратегии «по-доброму, но твердо», и оба чувствовали себя прескверно.

«Боже мой, – подумала Мэг. – Мама была права: замужняя жизнь тяжела и требует не только любви, но и бесконечного терпения!» Слово «мама» напомнило еще один материнский совет, полученный давным-давно и встреченный бурными протестами.

«Джон хороший человек, однако и у него есть недостатки, с которыми тебе придется мириться. Он своенравен; надо мягко его убеждать, вместо того, чтобы нетерпеливо возражать. Он щепетилен в вопросах справедливости, это хорошая черта, хоть ты и называешь ее “дотошностью”. Никогда не обманывай его ни словом, ни делом, Мэг, тогда заслужишь доверие и получишь поддержку. Его характер не похож на наш – мы вспylim и тут же остынем, а его обида глубже и длится дольше. Его непросто рассердить, но уж если он рассердится, попробуй успокой! Будь предельно осторожна, не обращай на себя его гнев, от этого зависят мир и счастье в вашей семье. Следи за собой, первая проси прощения, когда виноваты оба, и не допускай мелких ссор, недоразумений и колких слов, о которых горько пожалеешь».

Вот какие слова вспомнились Мэг, когда она шила на закате. Особенно Мэг задумалась над последним советом. Это была их первая ссора, и собственные резкие слова уже казались Мэг глупыми и жестокими, а гнев – детским. Ей стало жаль Джона, который, придя домой, застал такую картину, и сердце Мэг растаяло. Она взглянула на мужа со слезами на глазах, однако тот не заметил взгляда. Мэг встала, отложив шитье, и решила сказать: «Прости меня!» первой. Джон, казалось, не расслышал извинения. Мэг очень медленно пересекла

²² Согласно древнегреческой мифологии, Ниоба после гибели своих детей обратилась в камень, из которого днем и ночью струятся слезы.

комнату, ибо ей было сложно побороть гордость, и встала рядом с креслом Джона; тот даже не обернулся.

«Надо сделать первый шаг, тогда мне будет не в чем себя упрекнуть!» – подумала Мэг и, наклонившись, поцеловала мужа в лоб. Ссора мгновенно была забыта, поцелуй выразил раскаяние лучше любых слов, и уже через минуту Мэг сидела на коленях у мужа, а он с нежностью говорил:

– Дурно было с моей стороны смеяться над вареньем, прости меня, дорогая, я больше буду!

Обещание было нарушено, он еще не раз смеялся над этой историей вместе с самой Мэг. Они сошлись на том, что домашняя заготовка удалась, ведь у них в запасе появился опыт сладкого примирения.

Впоследствии Мэг пригласила мистера Скотта на ужин, и его ждала приятная трапеза, а хозяйка весело и очаровательно развлекала гостя. Мистер Скотт потом сказал Джону, что он счастливее, и всю дорогу домой покачивал головой, вздыхая о тяготах холостяцкой жизни.

Осень принесла новые испытания. Салли Моффат возобновила дружбу и стала часто наведываться в «Гнездышко» Мэг, чтобы посплетничать, а также звать «бедняжку» провести день в своем особняке. Это приятно разнообразило жизнь, поскольку в ненастные дни Мэг бывало одиноко, родные были заняты своими делами, Джон возвращался лишь вечером, и оставалось только шить, читать и бродить по дому. Постепенно она привыкла проводить праздничные часы с подругой за сплетнями. Глядя на красивые вещи Салли, Мэг стала завидовать, жалея, что у нее таких нет. Салли была очень добра и часто предлагала Мэг приглянувшиеся безделушки, однако та отказывалась, зная, что Джон будет недоволен. И вот однажды она по глупости сделала нечто, чем он был недоволен во сто крат больше.

Мэг знала, сколько зарабатывает муж, и гордилась тем, что он доверяет ей не только собственное счастье, но и то, что для многих мужчин существенно важнее – семейный бюджет. Она знала, где лежат деньги, и брала, сколько потребуется, с условием – подробно записывать траты, ежемесячно оплачивать счета и помнить, что ее муж небогат. До этого момента Мэг прекрасно справлялась: тратила бережливо, вела строгий учет, аккуратно записывала семейные расходы и ежемесячно предъявляла их Джону без малейшего смущения. Однако той осенью в райский сад Мэг проник змей и стал искушать ее – не яблоками, как в библейские времена, а на современный лад – платьями. Мэг не нравилось ощущать свою бедность, жалость подруги ее раздражала, хоть она и не признавалась в этом. Порой, чтобы Салли не подумала, будто Мэг приходится во всем себе отказывать, она тоже что-нибудь покупала. Ей всегда было неловко после, потому что красивые вещицы никак не относились к предметам первой необходимости, но поскольку они были недорогими, волноваться было не о чем. Тем не менее покупки незаметно дорожали, и во время совместных прогулок по магазинам Мэг больше не была пассивной наблюдательницей.

Мэг никак не ожидала, что мелочи обойдутся дороже, чем она думала, и, подводя итоги расходов в конце месяца, ужаснулась. Джон, будучи занятым на работе, расходную книгу не проверял, в следующем месяце отсутствовал, а в конце третьего им предстояло оплатить квартальные счета, и Мэг про это помнила. За несколько дней до срока она совершила ужасную вещь, которая камнем лежала у нее на сердце. Салли покупала шелк, и Мэг ужасно хотелось новое легкое платье для праздников, ведь ее черное было скучным, а вечерние наряды подходили лишь для незамужних девушек. Тетушка Марч каждый Новый год дарила сестрам по двадцать пять долларов – ждать оставалось всего месяц, а очаровательная сиреневая ткань, которая продавалась с большой скидкой, лежала прямо перед ней. Мэг располагала необходимой суммой, но не была уверена, имеет ли право тратить. Джон всегда говорил: «Все мое – твое», но одобрил бы он, что она использовала еще не полученные двадцать пять долларов и такую же сумму из семейного бюджета – большой вопрос. Салли уговаривала купить и предлагала дать

в долг – разумеется, из лучших побуждений. Мэг больше не могла противиться искушению. В недобрый час продавец раскинул перед ней блестящие складки, приговаривая:

– Крайне выгодное предложение! Уверю вас, мэм!

– Я возьму! – решила Мэг.

Материю отмерили, отрезали. Мэг расплатилась под бурные восторги Салли. А уходя из магазина, почувствовала себя воришкой, за которым по пятам идет полиция.

Дома она принялась рассматривать чудесный шелк, надеясь, что совесть перестанет так сильно ее мучить. Однако шелк больше не серебрился и не так уж ей шел, а слова «пятьдесят долларов», казалось, были отпечатаны по всей длине. Мэг спрятала ткань, но мысль о ней ее преследовала – не в виде радостного предвкушения, как обычно бывает с новыми платьями, а как назойливое напоминание о приступе безумия. В тот вечер Джон достал расчетные книги, и сердце Мэг замерло – в первый раз за время совместной жизни она испугалась мужа. Казалось, добрые карие глаза смотрят сурово, хотя Джон был необычайно весел, Мэг решила, что он каким-то образом догадался, но пока не подает виду. Хозяйственные счета были оплачены, записи в расходной книге в порядке.

Джон похвалил жену и раскрыл старый бумажник, который они называли «банком», а Мэг, зная, что бумажник почти пуст, удержала руку Джона, нервно сказав:

– Ты еще не видел книгу моих расходов.

Джон никогда не просил ее показать, но Мэг обычно настаивала, ей нравилось наблюдать, как он по-мужски удивляется женским прихотям, гадает, что такое бигуди и органди, и удивлялся, как три розовых бутона, кусочек бархата и две веревочки превращаются в шляпку стоимостью пять или шесть долларов. В тот вечер Джон был расположен поизучать ее траты, в шутку ужасаясь расточительностью и искренне восхищаясь бережливостью.

Мэг медленно извлекла книжечку и положила перед мужем. Сама спряталась за спинкой кресла, якобы чтобы разгладить морщины на его усталом лбу, и произнесла с нарастающей паникой в голосе:

– Джон, дорогой, мне очень стыдно, потому что в последнее время я была чудовищно расточительна. Просто я часто бываю на людях, и мне нужно одеваться, понимаешь... Салли посоветовала, и я купила... И хотя новогодний подарок тетушки частично возместит траты, я ужасно жалею о своем поступке, и ты наверняка меня осудишь.

Джон со смехом потянул Мэг за руку, вытаскивая из укрытия, и добродушно сказал:

– Не прячься! Думаешь, я побью тебя из-за очередной пары восхитительных туфелек? Между прочим, я горжусь ножками жены и готов заплатить лишние восемь-девять долларов за туфли, особенно красивые! – уверил он, одобрительно глядя на последнюю покупку Мэг.

«Боже, что же он скажет, когда узнает про пятьдесят долларов?» – содрогнулась Мэг.

– Это не туфли, а гораздо хуже... Я купила шелковое платье! – с храбрым отчаянием объявила она, чтобы больше не откладывать ужасный момент.

– Ну, дорогая, каков же «треклятый итог», как выразился бы мистер Манталини?²³

Голос у Джона изменился, она ощущала его прямой взгляд, на который до этого момента всегда могла ответить так же прямо и честно. Мэг перевернула страницу и одновременно отвернулась, указывая на сумму, внушительную и без последней пятидесятидолларовой траты, а с ней – и вовсе ужасающую. На секунду в комнате стало очень тихо, потом Джон медленно сказал:

– Наверное, для платья пятьдесят долларов не так уж много, учитывая все эти штучки, которые сейчас полагаются для отделки.

– Оно еще не отделано и даже не сшито... – слабо выдохнула Мэг, потрясенная мыслью о дополнительных расходах на отделку.

²³ Мистер Манталини – щеголь в романе известного английского писателя Чарльза Диккенса «Николас Никльби» (1839).

– Двадцать пять ярдов шелка для одной миниатюрной женщины... Зато теперь моя жена будет одета не хуже жены Неда Моффата, – сухо заметил Джон.

– Я знаю, ты сердишься. Я не собиралась транжирить твои деньги, просто не подумала, что мелкие покупки выльются в такую сумму. Я не могу удержаться, особенно когда Салли покупает все, что хочет, и жалеет меня, ведь мне нужно экономить. Я стараюсь не завидовать, но это тяжело, я устала быть... бедной.

Последнее слово она произнесла тихо, будто надеясь, что Джон не услышит, однако он услышал и был глубоко задет, поскольку отказывал себе во многих удовольствиях ради Мэг. Джон встал, отодвинув счета (Мэг готова была язык откусить, лишь бы вернуть сказанное), и дрогнувшим голосом произнес:

– Этого я и боялся... Мэг, я делаю все, что в моих силах.

Лучше бы он ругался или даже кричал – его тихие слова разбили Мэг сердце. Она бросилась к мужу и крепко обняла его, обливаясь слезами раскаяния.

– О, Джон! Мой добрый Джон! Ты работаешь не покладая рук, я сказала глупость! Несправедливо, неблагодарно и злобно такое говорить! Как я могла?!

Он был очень добр, с готовностью принял извинения, не проронив ни единого упрека, однако Мэг поняла – он не скоро забудет ее поступок, хоть и не будет его припоминать. Она обещала любить мужа в горе и в радости, а сама упрекнула в бедности, безрассудно потратив заработанные им деньги. Это было ужасно! А самое ужасное – Джон после этого случая был невозмутим, словно ничего не произошло, лишь стал задерживаться на работе до поздней ночи, а Мэг в это время плакала и, утомившись от слез, засыпала в одиночестве.

Мэг мучилась угрызениями совести целую неделю, а когда она обнаружила, что Джон отменил заказ на новое пальто, на нее стало и вовсе жалко смотреть – в таком она была отчаянии. В ответ на ее расспросы он просто сказал:

– Мне не хватит денег, дорогая.

Несколько минут спустя Джон обнаружил ее в прихожей – она зарылась лицом в его старое пальто и рыдала так горько, что сердце разрывалось.

В тот вечер они долго беседовали, и Мэг поняла, что любит Джона в бедности даже больше, потому что трудности сделали его сильным и мужественным, он упорно идет к цели, с терпением и нежностью принимая естественные желания и ошибки любимой жены.

На следующий день Мэг, проглотив гордость, отправилась к Салли, рассказала ей правду и попросила в качестве одолжения выкупить шелк. Добросердечная миссис Моффат с радостью согласилась и даже, проявив небывалую чуткость, не стала тут же предлагать ткань в подарок. Потом Мэг заказала пальто и оплатила счет. Когда Джон пришел, она нарядилась в его пальто и спросила – нравится ли ему ее новое платье. Можете себе представить благодарность, с которой подарок был принят, и последующие счастливые дни. Джон больше не задерживался на работе, а Мэг не шаталась по магазинам. Новое пальто по утрам надевалось на плечи очень довольного мужа, а по вечерам его помогала снимать счастливая жена. Так прошел год, и к середине лета Мэг ожидало новое событие – самое важное и счастливое в жизни женщины.

Одним субботним утром Лори, заглянув в «Гнездышко» Бруков, осторожно прокрался на кухню, где был встречен приветственным звоном. Ханна в его честь ударила крышкой по кастрюле.

– Как там молодая мама? Где все? Почему вы не написали мне в колледж? – громким шепотом допытывался Лори.

– Счастлива как никогда, наша дорогая девочка! Все наверху, радуются. Идите-ка в гостиную, я им скажу! – ответила Ханна и вышла, радостно посмеиваясь.

Вскоре появилась Джо с маленьким свертком на большой подушке. Лицо у Джо было серьезным, а глаза хитро поблескивали, и голос звучал странно, словно она что-то скрывает.

– Закрой глаза и протяни руки! – радушно предложила она.

Лори поспешно отступил в угол, заложив руки за спину, и взмолился:

– Нет, пожалуйста, не надо! Я не хочу! Я уроню или поломаю!

– Что ж, тогда я его унесу, если ты не хочешь! – решительно сказала Джо и развернулась, чтобы уйти.

– Хорошо-хорошо! Под твою ответственность! – сдался Лори.

Он храбро зажмурился, и ему в руки вложили что-то тяжелое. Услышав взрыв смеха (смеялись Джо, Эми, миссис Марч, Ханна и Джон), Лори открыл глаза и увидел, что на подушке лежат сразу два ребенка.

Немудрено, что они расхохотались снова – выражение лица Лори рассмешило бы и мертвого. Он смотрел то на невинных младенцев, то на восторженных родственников с таким неподдельным ужасом, что Джо, постанывая, осела на пол.

– Вот тебе на! Двойня! – выдавил наконец Лори и, обернувшись к стоящим рядом женщинам, жалобно попросил: – Кто-нибудь, заберите их! Если начну смеяться, уроню!

Джон пришел на выручку и, с ребенком в каждой руке, гордо расхаживал по комнате, словно уже умеет обращаться с младенцами. Лори смеялся до слез.

– Я запретила тебе писать, потому что решила сделать сюрприз! И смею заметить, он удался! – заявила Джо, переводя дыхание.

– Никогда еще не испытывал подобного потрясения! Как же здорово! Это мальчики? Как вы их назовете? Дайте мне еще посмотреть! Не отходи, Джо – их слишком много, клянусь честью! – ответил Лори, благодушно разглядывая детей – будто великан, умиляющийся новорожденным котяткам.

– Мальчик и девочка. Разве они не чудесны? – спросил гордый отец, с улыбкой глядя на краснолицые свертки, словно на неоперившихся ангелочков.

– Определенно прекрасные дети! А кто из них кто? – спросил Лори, согнувшись в три погибели, чтобы получше рассмотреть чудесное явление.

– Эми по французской моде надела на мальчика голубую ленту, а на девочку – розовую, теперь не перепутаешь. И потом у одного глаза голубые, а у другого – карие. Поцелуй же их, дядя Тедди! – улыбнулась Джо.

– Боюсь, им не понравится, – с несвойственной ему нерешительностью начал Лори.

– Конечно, понравится! Они уже привыкли! Целуй немедленно! – приказала Джо, опасаясь, как бы Лори на радостях не принялся целовать взрослых.

Лори, сморщившись, подчинился, робко чмокнув малышей в щеки, чем вызвал смех взрослых и писк младенцев.

– Ну вот! Я же говорил – не понравится! Этот точно мальчик – смотрите, как пинается! Знатно работает кулаками. Брук-младший, ты, кажется, выбрал соперника не по размеру! – рассмеялся Лори, получив по носу крошечным, бесцельно размахивающим кулачком.

– Девочку назовем Маргарет, в честь матери и бабушки. Сокращенно – Дейзи, чтобы не путать с Мэг, а мальчугана – Джон-Лоренс, сокращенно – Джек, если не придумаем что-нибудь получше! – размышляла тетушка Эми.

– Пусть он будет Демиджон, а сокращенно – Деми! – сказал Лори.

– Деми и Дейзи – прекрасно! Я знала, Тедди справится с именами! – захлопала в ладоши Джо.

Тедди действительно справился, и, по крайней мере, до конца главы мы будем называть малышей Дейзи и Деми.

Глава шестая. Визиты

– Джо, нам пора!

– Куда?

– Ты что, забыла? Ты обещала сегодня нанести вместе со мной шесть визитов!

– Я много совершила в жизни глупостей, но вряд ли настолько выжила из ума, чтобы пообещать шесть визитов за день, когда я от одного отхожу неделю!

– Обещала! У нас был уговор – я нарисую тебе карандашный портрет Бетти, а ты пойдешь со мной по соседям наносить ответные визиты, как полагается!

– Ты настоящий ростовщик! Где тогда долговая расписка? Была бы расписка, я сдержала бы слово! А так... Тучи собираются, и я никуда не пойду!

– Не увиливай! Сегодня чудесная погода, даже намек нет на дождь. Ты всегда хвастаешься, что верна обещаниям, так что не урони достоинства – иди исполни долг, и на ближайшие полгода я от тебя отстану.

В тот момент Джо была полностью поглощена шитьем – она была главным изготовителем мантий в семье и очень гордилась тем, что одинаково хорошо владеет и иглой, и пером. Было ужасно досадно прерываться на стадии первой примерки, надевать лучший наряд и идти в гости жарким июльским днем. Джо всегда ненавидела официальные визиты и всячески их избегала, пока Эми не загоняла сестру в угол, суля что-то в обмен, подкупая и выманивая обещание. На этот раз спасения не было. Джо поклацала ножницами, выражая свое недовольство, попричитала, что чувствует приближение грозы, и сдалась: отложила работу и, взяв шляпу и перчатки, обреченно сказала Эми, что готова.

– Джо Марч, твое упрямство и святого выведет из себя! Ты ведь не собираешься идти в таком виде? – изумленно оглядывая сестру, воскликнула Эми.

– Почему нет? Я одета аккуратно, удобно и достаточно легко для прогулки по пыльной дороге в жаркий день. Если людям важнее мое платье, чем я сама, я вообще не хочу их видеть. Ты можешь нарядиться за двоих и элегантно блистать сколько хочешь. Тебе идут красивые наряды, а мне нет. Безделушки меня только расстраивают.

«Боже мой! – вздохнув, подумала Эми. – Если на Джо напал дух противоречия, она из меня душу вынет, прежде чем оденется по-человечески!»

Вслух же сказала:

– Конечно, мне тоже сегодня не хочется идти, но это наш долг перед обществом, и лишь мы с тобой можем его исполнить. Джо, я сделаю что хочешь, только оденься подобающе и помоги мне исполнить обязанности хороших соседей. Ты будешь выглядеть как аристократка в праздничном платье. Когда ты захочешь, то прекрасно ведешь беседу и демонстрируешь хорошие манеры, которыми я горжусь! И потом – я боюсь идти одна, не бросай меня, пожалуйста!

– Ох ты и лисичка! Умеешь задобрить и умаслить злую старшую сестру сладкими речами! Значит, я благовоспитанная аристократка, а ты боишься идти в гости? Даже не знаю, что звучит нелепей! Ладно уж, пойду и постараюсь вести себя прилично. Ты начальник экспедиции, я буду слепо повиноваться приказам. Теперь довольна? – ответила Джо, неожиданно переходя от воинственности к безропотному подчинению.

– Ты просто ангел! Одевайся, а я расскажу тебе, как вести себя в каждом из домов, чтобы произвести хорошее впечатление. Я хочу, чтобы ты всем понравилась – и ты обязательно понравишься, если постарайся быть милой. Сделай красивую прическу, прикрепи к шляпе розу, это тебя освежит, а то твое платье слишком простое и тусклое. Возьми лайковые перчатки и вышитый платок. Заглянем к Мэг, я одолжу белый зонтик, а тебе отдам свой серо-голубой.

Эми одевалась и попутно давала указания Джо, которые та выполняла скрепя сердце и выражая протест доступными способами. Вдыхая, облачилась в новое жесткое кисейное пла-

ть; сурово хмурясь своему отражению, завязала ленты шляпки в безупречный бант; с огромным трудом совладав с булавками, прикрепила воротничок; морщась, вытащила вышитый платок, который терзал ее нос не меньше, чем перспектива дня терзала душу. Всунув руки в тесные перчатки с кисточками и пуговицами – последний штрих элегантного наряда, она обернулась к Эми и с вымученной улыбкой смиренно произнесла:

– Я отвратительно себя чувствую! Однако если ты довольна моим видом, умру спокойно.

– Ты очень хороша! Повертись, я хочу хорошенько рассмотреть!

Джо несколько раз повернулась, Эми кое-что поправила и, отступив на шаг, оглядывала свое творение, грациозно склонив голову набок.

– Да, совсем неплохо! Прическа удалась и шляпка очаровательная – если добавить розу! Расправь плечи и держи руки свободно, неважно, что перчатки жмут! Лучше всего на тебе смотрятся шали, мне вот они совсем не идут. Я очень рада, что тетушка Марч подарила тебе такую прелесть. Шаль простая, но красивая, так интересно складки спадают с твоих плеч! У меня накидка не перекосилась? Посмотри, я не пропустила застежку на платье? Хорошо, что туфли видны – ножки у меня красивые, не то что нос...

– Вы – воплощение красоты и отрада для глаз! – объявила Джо, как знаток изящного искусства разглядывая голубое перо над золотыми локонами. – Скажите, мэм, праздничное платье полагается тащить по пыли или можно подобрать подол?

– Подбирай, пока идешь, а в доме опускай. Тебе идут длинные юбки, и ты должна научиться грациозно перемещаться, когда подол волочится по полу. Смотри, манжет не до конца застегнут – застегни! Если хочешь выглядеть подобающе, нельзя упускать из вида мелочи, именно из них складывается картина.

Джо с тяжелым вздохом принялась расстегивать пуговицы перчатки, чтобы застегнуть манжет. Наконец обе были готовы и отправились в путь – «ни дать ни взять картинки», как выразилась Ханна, высунувшись из окна.

– Теперь слушай, дорогая! Честеры – люди утонченные, при них нужно следить за манерами. Не говори ничего резкого и ничего странного, ладно? Держись спокойно, невозмутимо и побольше молчи – как настоящая леди. Ты ведь продержишься четверть часа? – спросила Эми, когда они подошли к первому дому, предварительно заняв зонтик у Мэг, которая, держа на руках двух малышей, придирчиво осмотрела сестер.

– Так, посмотрим... Спокойно, невозмутимо и побольше молчать... Должна справиться! Я исполняла роли чопорных дам на сцене, сыграю и сейчас. Я прекрасная актриса, в чем ты сейчас убедишься, так что ни о чем не волнуйся, дитя мое!

Эми вздохнула с облегчением, однако коварная Джо поймала сестру на слове – все время первого визита она сидела, грациозно сложив руки и аккуратно расправив юбку, была спокойна, как море в штиль, бесстрастна, как статуя, и молчалива, как сфинкс. Напрасно миссис Честер хвалила «очаровательный роман», а ее дочери заводили разговоры о балах, пикниках, опере и моде – Джо на все отвечала улыбкой, кивком головы, а также сдержанным и невозмутимым «да» или «нет». Напрасно Эми подавала беззвучные сигналы: «Говори!», пыталась втянуть сестру в разговор и незаметно пинала ее ногой. Джо ни на что не реагировала и держалась с ледяной сдержанностью и совершенным безразличием.

– Какая же высокомерная и скучная старшая мисс Марч! – слишком громко воскликнула одна из хозяек дома, едва закрыв за гостями дверь.

Джо беззвучно рассмеялась, а Эми, удрученная неверным истолкованием наставлений, разумеется, накинулась на сестру.

– Ты ужасно меня подвела! Я просила держаться спокойно и с достоинством, а не сидеть, как истукан! У Лэмбов будь общительней, сплетничай, как все девочки, и интересуйся платьями, флиртом и прочей ерундой. Они вращаются в высшем обществе, и это знакомство нам чрезвычайно полезно, там мы должны произвести хорошее впечатление во что бы то ни стало!

– Я буду милой! Буду сплетничать, хихикать, восторгаться и ужасаться по любому поводу, только скажи! Я с огромным удовольствием примерю роль «очаровательной особы». Возьму мисс Честер в качестве примера и слегка усовершенствую образ! Вот увидишь, Лэмбы скажут: «Какая же живая и приятная эта Джо Марч!»

Эми встревожилась, и немудрено – если Джо начинала чудить, остановить ее было непросто. Они вошли в следующую гостиную, и Джо, под озабоченным взглядом сестры расцеловав девушек и улыбнувшись молодым людям, включилась в беседу с поразительным воодушевлением. Эми была захвачена миссис Лэмб, питавшей к ней нежные чувства, и терпеливо слушала о последней выходке Лукреции, пока трое прекрасных молодых людей кружили на почтительном расстоянии, выжидая удобный момент, чтобы прийти на помощь. Таким образом, Эми не имела возможности повлиять на сестру, которая, очевидно, снова замыслила шалость. Джо болтала без умолку, словно старушка-сплетница, собрав возле себя тесный кружок слушателей. Эми изо всех сил напрягала слух, чтобы понять, о чем идет речь – обрывки фраз наполняли ее тревогой, округлившиеся глаза и всплескивания рук будили любопытство, а бурные взрывы смеха вызывали жгучее желание разделить веселье. Только представьте, как страдала Эми, услышав следующее:

– Эми прекрасная наездница! Кто ее учил?

– Никто! Она училась ровной посадке, надев старое седло на ветку дерева и держа поводья. Сейчас ездит верхом на любом скакуне, поскольку страх ей неведом! Конюх разрешает моей сестре седлать необъезженных лошадей – она их тренирует, чтобы они потом возили дам. Ей так нравится это дело, что если ничего другого из нее не выйдет, она сможет зарабатывать на жизнь, объезжая лошадей!

Слыша эти ужасные речи, Эми едва усидела на месте. Джоставляла ее в весьма легкомысленном виде – самый ужасный недостаток в глазах Эми. Однако ничего нельзя было поделаться, почтенная миссис Лэмб продолжала говорить, а Джо тем временем сыпала забавными историями и ужаснейшими выдумками.

– О, наша Эми была в отчаянии в тот день! Ни одного нормального скакуна не осталось! Один хромой, второй слепой, а третий такой упрямый, что с места не сойдет. Хороший выбор для прогулки, правда?

– И кого же она выбрала? – смеясь спросил один из молодых людей, явно довольный историей.

– Никого! Она слышала веселое ржание в конюшне за рекой и решила прокатиться на том жеребце – он был красив и горяч. Увы! Никто не мог привести ей коня, и ей пришлось идти к нему самой. Только представьте, она взяла и переплыла реку с седлом на голове и на глазах изумленного конюха направилась к конюшне.

– И прокатилась на жеребце?

– Разумеется! Чудесно прокатилась! Я боялась, что она разобьется, но Эми прекрасно с ним справилась и была душой компании на той прогулке!

– Вот отважная! – восхитился юный мистер Лэмб, одобрительно поглядывая на Эми и гадая, что же говорит мама, что девушка сидит такая красная и смущенная.

Через минуту Эми смутилась и покраснела еще больше, потому что разговор неожиданно перешел на тему одежды. Кто-то из девушек поинтересовался у Джо, где она купила нежно-оливковую шляпу, которую надевала на прошлый пикник. Глупая Джо вместо того, чтобы просто сказать название магазина, где приобрели шляпу два года назад, не нашла ничего лучшего, чем разразиться ненужными подробностями:

– О, это Эми раскрасила! Нежных оттенков в магазине не найти, мы сами красим шляпы в любой цвет, какой пожелаем! Правда здорово иметь сестру художницу?

– Как оригинально! – воскликнула мисс Лэмб, которая находила Джо чрезвычайно забавной.

– Это еще ерунда! Наша Эми способна на все! Например, однажды она хотела надеть синие туфельки на праздник у Салли и просто раскрасила испачкавшиеся белые в чудеснейший небесно-голубой оттенок – не отличить от атласных! – с гордостью расписывала достоинства сестры Джо.

Эми была так сердита, что с радостью запустила бы в нее чем-нибудь.

– Мы недавно читали ваш рассказ и были в восторге! – заметила старшая мисс Лэмб, желая похвалить литературно одаренную подругу, хоть, надо признать, Джо в данный момент на оную походила мало. Упоминания ее «трудов» всегда действовали на Джо плохо: она принимала строгий вид, обижалась или бесцеремонно переводила тему – как случилось и в тот раз.

– Жаль, что вы не нашли ничего лучше! Я написала эту ерунду, потому что она продается и нравится обывателям. Кстати, вы едете зимой в Нью-Йорк?

Поскольку мисс Лэмб была от рассказа «в восторге», замечание Джо прозвучало неблагодарно и даже обидно. Джо сразу осознала ошибку, однако, побоявшись сделать еще хуже, вспомнила, что гостям полагается прощаться первыми, и внезапно выпалила, оборвав нескольких человек на полуслове:

– О, Эми, нам пора! До свидания, дорогие! *Непременно* приходите нас навестить, мы *умираем от скуки*! Вас, мистер Лэмб, я не приглашаю; впрочем, если вы придете, вряд ли решусь прогнать!

Вышло до того похоже на щебетание Мэй Честер, что Эми поспешно покинула комнату – ей хотелось плакать и смеяться одновременно.

– Правда хорошо получилось? – спросила довольная Джо, когда они уходили.

– Хуже не бывает! – отрезала Эми. – Что на тебя нашло? К чему рассказы о седле, шляпах, туфлях и всем остальном?

– А что? Это забавно, и людям интересно послушать. Все знают, что мы бедны, зачем притворяться, будто имеем по конюху каждая, покупаем по три-четыре шляпы на каждый сезон, и все достается нам столь же легко, как им?

– А зачем выдавать наши маленькие хитрости, лишний раз обнажая бедность? У тебя нет ни капли гордости, и ты никогда не поймешь, когда нужно говорить, а когда держать язык за зубами! – с горечью заявила Эми.

Бедная Джо смутилась и молча потеряла кончик носа жестким платком, словно в наказание за совершенные злодеяния.

– Как я должна вести себя здесь? – спросила она на пороге третьего дома.

– Как хочешь! Мне все равно! – коротко ответила Эми.

– Тогда буду просто получать удовольствие. Мальчики сейчас дома, и можно спокойно поговорить. Видит бог, мне нужна передышка – светский этикет плохо сказывается на моем здоровье! – мрачно произнесла Джо, расстроенная неудавшимися попытками угодить.

Теплый прием трех взрослых сыновей и нескольких хорошеньких детей сразу поднял ей настроение, и, предоставив Эми развлекать хозяйку и мистера Тюдора, который тоже зашел навестить, Джо посвятила себя общению с молодежью и нашла, что это ей больше по душе. Она с большим интересом слушала истории о колледже, без малейших возражений гладила пойнтеров и пуделей, искренне согласилась, что «Том Браун – молодчина», повторив не совсем изящно выраженную похвалу, а когда один из младших мальчиков предложил взглянуть на черепашек, Джо поднялась с такой готовностью, что мать семейства улыбнулась гостье, поправляя чепец – медвежьи ласки сыновей вечно приводили ее прическу в довольно жалкий вид, однако она не променяла бы ее на самую безупречную укладку во французском салоне.

Эми, больше не заботясь о сестре, тоже неплохо проводила время. Дядя мистера Тюдора был женат на англичанке, которая приходилась четвероюродной сестрой настоящему лорду, и все семейство вызывало у Эми глубочайшее уважение. Она, хоть и была рождена и воспитана в Америке, грешила чинопочитанием, свойственным многим из нас, в ней сохранилась

верность монарху, которая еще недавно заставляла самую свободную нацию мира мгновенно приходить в восторг при виде королевы. Любовь молодой страны к старой похожа на привязанность выросшего сына к маленькой властной матери, которая держала его при себе, пока могла, и отпустила с раздражением, когда он взбунтовался. Даже удовольствие поговорить с дальним родственником английской знати не заставило Эми забыть о времени; когда положенное количество минут истекло, неохотно покинув родню британской аристократии, она стала оглядывать комнату в поисках Джо, искренне надеясь, что неисправимая сестрица не позорит имя Марчей.

Могло быть и хуже – Джо всего лишь сидела на траве в окружении мальчишек, на коленях у нее примостилась собака, устроившись с грязными лапами на лучшем праздничном платье, а Джо рассказывала восхищенным слушателям о последней проделке Лори. Один из малышей тыкал черепаху зонтиком Эми, другой ел имбирный пряник над шляпкой Джо, а третий сделал из перчаток мячик и пинал его ногой. Всем было весело, и когда Джо, собрав подпорченное имущество, собралась уходить, ее дружно провожали, упрасывая заходить еще – «нам так понравились приключения Лори!».

– Хорошие ребята, правда? Я снова чувствую себя молодой и полной сил! – объявила Джо по дороге, спрятав руки за спину – отчасти по старой привычке, отчасти чтобы спрятать испачканный зонт.

– Почему ты избегаешь мистера Тюдора? – спросила Эми, мудро умолчав о потрепанном виде сестры.

– Мне он не нравится. Важничает, пренебрежительно отзываясь о сестрах, не слушается отца, не проявляет уважения к матери. Лори говорит – он ветреный, я не стремлюсь с ним общаться, поэтому держусь подальше.

– Могла бы быть повежливей! Ему ты холодно кивнула, а Тому Чамберлену – сыну лавочника, поклонилась с радушной улыбкой! Надо было наоборот! – укоризненно заметила Эми.

– Не надо было! – упрямо возразила Джо. – Я не испытываю к Тюдору ни симпатии, ни уважения, хоть племянница племянника дяди его дедушки приходится четвероюродной сестрой лорду! Томми бедный парень, скромный, порядочный и очень умный. Я хорошо к нему отношусь и веду себя соответствующе, потому что он настоящий джентльмен, несмотря на непрезентабельность!

– С тобой бесполезно спорить! – вздохнула Эми.

– Совершенно бесполезно! – подтвердила Джо. – Давай будем милыми и оставим нашу визитную карточку. Кингов, очевидно, нет дома – какое счастье!

Оставив карточку, как и полагается в таких случаях, девочки продолжили путь. У дверей пятого дома Джо вновь воздала хвалу небесам, поскольку молодые хозяйки гостей не принимали.

– Пойдем домой – не будем сегодня навещать тетушку Марч! К ней мы можем забежать в любой момент, зачем тащиться по пыли в наших лучших платьях, тем более что мы усталые и злые?

– Говори за себя, пожалуйста! Тетя любит, чтобы мы приходили с визитом по всем правилам. Нам не трудно, а ей будет приятно, и твой наряд уже не пострадает больше, чем от грязных собак и оравы мальчишек. Присядь, я уберу крошки со шляпки!

– Какая же ты молодец, Эми! – заметила Джо, переводя виноватый взгляд с собственного помятого платья на безупречно чистое платье сестры. – Я хотела бы так же уметь делать всякие мелочи, которые доставляют людям радость. Только не хочется тратить время. Жду момента, чтобы оказать одну большую услугу, забывая о маленьких. А они ведь гораздо важнее, правда?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.